

Впервые на русском языке!

Николя Барро

ПАРИЖ—

всегда хорошая идея

Смешная и трогательная книга для тех,
кто в глубине души остается романтиком.

RT Book Reviews

Николя Барро

Париж – всегда хорошая идея

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Барро Н.

Париж – всегда хорошая идея / Н. Барро — «Азбука-Аттикус»,
2011

ISBN 978-5-389-15867-2

Больше всего на свете Розали, хозяйка крохотного магазина открыток в центре Парижа, любила синий цвет... Но ей и в голову не могло прийти, что однажды, вместе с маститым французским писателем, книгами которого она зачитывалась с детства, а также молодым и очень симпатичным американским профессором, она попадет в совершенно невероятную историю и синий цвет сыграет в ней такую важную роль. И уж тем более она не могла предположить, что эта история – и скрытая в ней тайна – полностью перевернет ее жизнь и сделает самой счастливой девушкой на свете. Впрочем, «весна порой исполняет обещания, которых не сдержала зима»... Роман печатается впервые на русском языке.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-15867-2

© Барро Н., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

1	6
2	10
3	20
4	26
5	32
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николя Барро

Париж – всегда хорошая идея

Nicolas Barreau

Paris Ist Immer Eine Gute Idee

Copyright © Thiele Verlag in der Thiele amp; Brandstätter

© И. П. Стреблова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

*У всех путешествий есть тайное назначение, о котором
путешественник не подозревает.*

Мартин Бубер

1

Розали любила синий цвет. Так было с тех пор, как она себя помнила, а значит, вот уже двадцать восемь лет.

Как всегда по утрам, открывая в одиннадцать часов свой магазинчик, в котором продавались открытки, она посмотрела на небо в надежде найти среди серой пасмурной пелены голубой просвет. Нашла его и улыбнулась.

Среди первых и самых любимых детских воспоминаний Розали Лоран было невероятно синее небо над озаренным солнцем бескрайним бирюзовым морем, уходящим за горизонт. Тогда ей было четыре года, и родители, взяв с собой маленькую дочку, уехали из пышущего зноем Парижа с его каменными домами и улицами на Лазурный Берег. В тот же год, когда случилось это сияющее лето, которому, казалось, никогда не будет конца, тетя Полетта подарила ей после возвращения из Лез-Иссамбра набор акварельных красок. Розали во всех подробностях помнила, как это было.

– Акварельные краски? Не слишком ли это, Полетта? – спросила Катрин. В ее тоненьком голоске заметны были неодобрительные нотки. – Такой маленькой девочке – и такой дорогой набор! Куда ей столько красок, она же не сумеет ими пользоваться! Спрячем-ка его и подождем немного, пока она подрастет. Да, Розали?

Но малютка с длинными каштановыми косами не согласилась расставаться с тетушкиным роскошным подарком. Она ничего не желала слушать и отчаянно прижимала к себе коробку, словно та ей дороже жизни. В конце концов мама немного рассерженно вздохнула и не стала спорить с маленькой упрямницей.

Что уж тут было причиной – то ли первая встреча с морем запала ей в душу как образ счастья, то ли в ней рано проявилось ярко выраженное стремление делать все по-своему, не так, как другие, но только синяя краска стала для нее самой восхитительной из всех. С ненасытным интересом она открывала для себя всю палитру ее оттенков, и ничто не могло утолить ее детскую любознательность.

– А это как называется, папа? – то и дело спрашивала она, дергая за рукав куртки (конечно же, синей) доброго и терпеливого отца, и тыкала при этом пальчиком туда, где обнаруживалось еще что-то синее.

Задумчиво наморщив лоб, она часами простаивала перед зеркалом, изучая цвет своих глаз, которые на первый взгляд казались карими, но, хорошенько приглядевшись, можно было заметить, что на самом деле они темно-темно-синего цвета. Во всяком случае, так сказал Эмиль, ее папа, и Розали на это с облегчением кивнула.

Еще не выучившись толком читать и писать, она уже знала названия всех оттенков синего и голубого. От нежнейшего шелковисто-голубоватого, небесно-голубого, серо-голубого, льди-сто-голубого, сизого или стеклянно-аквамаринового, от которого душа взлетает, как на крыльях, до того яркого, насыщенного, сочного, сияющего лазурно-синего цвета, от которого захватывает дух. Кроме того, были еще ликующий ультрамарин, веселый васильковый цвет и холодноватый кобальт, сине-зеленый петроль, впитавший в себя краски моря, и таинственный цвет индиго, почти переходящий в фиолетовый, а также темный сапфир с его полуночной синевою и переходящая в черноту синева ночи, в которой она растворяется почти без остатка. Для Розали не существовало другого цвета, который был бы так же богат и разнообразен, как синий. Однако она не подозревала, что однажды попадет в историю, в которой важную роль будет играть синий тигр. И тем более она не могла бы предположить, что эта история – и скрытая в ней тайна – совершенно перевернет всю ее жизнь.

Случайность? Судьба? Говорят, что детство – это та почва, по которой мы проходим наш жизненный путь. Впоследствии Розали не раз спрашивала себя, не сложилось ли бы все иначе,

если бы не ее особенная любовь к синему цвету. При одной мысли о том, как легко могло случиться, что она пропустила бы самый счастливый момент своей жизни, ей даже становилось страшно. Жизнь так сложна и запутанна, но в конце концов она все расставляет по местам, неожиданно выявляя истинный смысл вещей.

Когда Розали в восемнадцать лет – спустя несколько месяцев после смерти отца, скончавшегося от запущенной пневмонии, – объявила, что хочет учиться живописи и стать художницей, ее мать с перепугу чуть не выронила блюдо с лотарингским пирогом на пороге столовой.

– Ради бога, девочка! Лучше уж выбери что-нибудь дельное! – воскликнула она, мысленно ругая Полетту за то, что та внушила дочке такие дурацкие фантазии. Вслух она, конечно, никогда не ругалась. Катрин Лоран, урожденная Валуа (чем она в душе очень гордилась), была благородной дамой до кончиков ногтей. К сожалению, богатство ее аристократических предков за истекшие века заметно поубавилось, и брак с хорошим и умным, но не слишком энергичным в житейских делах физиком Эмилем Лораном не исправил ситуации. Вместо того чтобы делать успешную карьеру в какой-нибудь фирме, Эмиль, однажды поступив на работу в научный институт, так и проработал там до конца своих дней. У Катрин даже не было денег, чтобы держать настоящую прислугу, а пришлось довольствоваться приходящей филиппинкой, которая еле-еле объяснялась по-французски и которая дважды в неделю вытирала пыль, наводила чистоту в большой квартире дома старой постройки, с высокими лепными потолками и паркетными полами елочкой. При этом для Катрин не подлежало сомнению, что ни при каких обстоятельствах нельзя отказываться от своих принципов. Она считала, что если нарушить принципы, тогда вообще все пойдет прахом.

«Урожденные Валуа так не делают», – любила она повторять, и, разумеется, произнесла эту фразу и сегодня в напутствие единственной дочери, которая, как это ни грустно, вознамерилась, кажется, выбрать не тот путь, который для нее наметила мать.

Катрин со вздохом поставила фарфоровое блюдо с ароматным пирогом на овальный обеденный стол, накрытый только на две персоны, и уже в который раз подумала, что, пожалуй, не сможет назвать никого, кому имя Розали подходило бы так мало, как ее дочери.

В те давние времена, когда Катрин была ею беременна, ее воображение рисовало ей нежную, хрупкую девочку, такую же белокурую, как она сама, вежливую, кроткую и... – ну как бы это сказать – умильную. Все это никак нельзя было отнести к Розали. Она, конечно, была умницей, но очень уж своенравной. У нее на все было свое мнение, иногда от нее часами не добиться было ни слова, и такое поведение казалось матери очень странным. Когда Розали смеялась, то всегда очень громко. Это было как-то не очень прилично, хотя окружающие и уверяли, что Розали всех радует своей живой непосредственностью.

– Да не придирайся ты к ней, у нее доброе сердце, – всегда говорил ей Эмиль, в очередной раз потакая прихотям дочери.

Как, например, тогда, когда она еще ребенком вытащила свой матрас и дорогое постельное белье на балкон, где такая сырость, и легла там спать под открытым небом. Ей, видите ли, «захотелось посмотреть, как вертится Земля!» Или вдруг испекла отцу на день рождения этот кошмарный синий пирог, покрашенный пищевым красителем! Вид у пирога был такой ядовитый, что, кажется, в рот возьми и отравишься! А все из-за того, что голубой цвет – ее любимый! Катрин сочла это дикой выходкой, а Эмиль, конечно же, был в восторге и говорил, что лучшего пирога в жизни не пробовал. «Вы непременно должны его отведать!» – восклицал он, накладывая гостям расплывающееся месиво на тарелки. Ох уж этот Эмиль! Ну ни в чем не мог отказать своей доченьке!

И вот нате – новая идея!

Катрин нахмурилась и посмотрела на стройную рослую девушку с бледным лицом и черными бровями, которая рассеянно поигрывала длинной, каштановой, небрежно заплетенной косой.

– Выкинь это из головы, Розали! Живопись тебя не прокормит. Такие затеи я не хочу и не буду поддерживать. А на что ты, скажи на милость, собираешься жить? Думаешь, люди только и ждут твоих картин?

Розали промолчала, продолжая теревить свою косу.

Была бы Розали «умилительной Розали», Катрин Лоран, урожденная Валуа, конечно, не тревожилась бы за ее будущее. В конце концов, в Париже и сейчас хватает хорошо зарабатывающих мужчин, и тут уж не важно, если жена понемножку рисует: мало ли какие там у нее пунктики! Но у Катрин было неприятное чувство, что дочь об этом как-то не думает. Чего доброго, еще бог весть с кем свяжется!

– Я хочу, чтобы ты занялась чем-нибудь дельным, – настойчиво повторила она еще раз. – Папа тоже этого бы хотел.

Она положила дочери на тарелку кусок пирога.

– Розали! Ты вообще слушаешь, что я говорю?

Розали подняла голову и посмотрела на мать бездонными загадочными глазами.

– Да, мама. Я должна заняться чем-то дельным.

И она так и поступила. Более или менее так. Самое разумное, что придумала Розали, – это после двух семестров графики и дизайна открыть магазин, торгующий открытками. Это была крохотная лавочка на улице дю-Драгон, симпатичной улочке со средневековыми городскими домами в самом сердце района Сен-Жермен, от лавочки было рукой подать до церковью Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Сюльпис. На улочке было несколько магазинчиков, ресторанов, кафе, одна гостиница, булочная и любимый обувной магазин Розали, и на ней даже жил Виктор Гюго, о чем сообщала табличка на доме номер тридцать. Если поспешить, то всю улицу дю-Драгон можно пробежать из конца в конец за несколько шагов, чтобы затем очутиться на оживленном бульваре Сен-Жермен, или, если пойти в обратном направлении, выйти на более тихую улицу де-Гренель, которая ведет к самым элегантным домам и особнякам правительственного квартала, заканчиваясь где-то в районе Марсова поля и возле Эйфелевой башни. Но можно было и просто неторопливо прогуляться по этой улице, то и дело задерживаясь перед витринами, в которых ты всегда увидишь что-нибудь заманчивое, что хочется рассмотреть, подержать в руках или примерить. Во время такой прогулки Розали и обнаружила однажды вывеску «Сдается внаем» в витрине пустующего антикварного магазина, владелица которого недавно отказалась от аренды, закрыв магазин по причине своего преклонного возраста.

Розали сразу же влюбилась в этот магазинчик. Единственная витрина была окружена небесно-голубой рамкой, как и входная дверь, над которой после прежней владелицы остался висеть старомодный серебряный колокольчик. На старинном черно-белом каменном полу играли солнечные зайчики. Над Парижем в этот майский день стояло безоблачное небо, и Розали показалось, что маленький магазинчик только и ждал ее прихода.

Арендная плата, правда, оказалась совсем не маленькой, но запрашиваемая цена, пожалуй, была оправданной ввиду удачного расположения, как заверил ее мсье Пикар, пузатенький пожилой человек с большими залысинами и хитроватыми карими глазками-пуговками. Вдобавок к торговому помещению имелась еще и жилая комната над лавкой, куда можно было подняться по узкой деревянной винтовой лестнице, а при ней малюсенькая ванная и кухонька.

– Вот вам заодно и жилье, ха-ха-ха! – пошутил мсье Пикар, и его пузо весело затряслось от смеха. – А какой именно магазин вы, собственно, собираетесь тут открыть, мадемуазель? Надеюсь, ничего особенно шумного или пахучего? А то ведь я и сам живу в этом доме.

– Писчебумажный, – сказала ему Розали. – С оберточной бумагой для подарков, почтовой бумагой, карандашами и красивыми открытками к разным торжественным случаям.

– А-а... Ну-ну! Что ж, желаю удачи! – проговорил мсье Пикар немного растерянно. – Открытки с Эйфелевой башней всегда находят спрос у туристов, верно?

– Торговля *почтовыми открытками*? – удивленно воскликнула по телефону ее мать. – Mon Dieu!¹ Бедная моя доченька! Да кто же в наши дни еще посылает открытки?

– Хотя бы я, – ответила Розали, а затем просто взяла и положила трубку.

Прошло четыре недели, и вот уже она, взобравшись на лестницу, повесила над входом живописную вывеску.

«Луна-Луна», – было написано на ней большими красивыми буквами, а ниже уже помельче: «Открытки с пожеланиями».

¹ Боже мой! (*фр.*)

2

Если бы это зависело от Розали, то она сделала бы так, чтобы люди гораздо чаще писали письма и отправляли открытки. Маленькая, а порой и большая радость, которую способно дать написанное от руки письмо, как у получателя, так и у того, кто его пишет, совершенно не сравнима с той, какую приносят сообщения по электронной почте или эсмэски, которые быстро забываются, канув в пучину ничего не значащих мелочей. Этот момент удивления, когда ты вдруг обнаруживаешь среди почты лично к тебе обращенное письмо, радостное ожидание, с которым ты переворачиваешь открытку, осторожно вскрываешь или нетерпеливо разрываешь конверт! Возможность прикоснуться рукой к тому, что принадлежит человеку, который вспомнил тебя; разглядывать его почерк, угадывать настроение; может быть, даже уловить легкий запах табака или духов! Это же что-то такое живое! И пускай люди действительно гораздо реже пишут сегодня настоящие письма, потому что у них якобы не хватает на это времени, но Розали не знала ни одного человека, который бы не обрадовался, получив личное письмо или написанную от руки открытку. Нашему времени, со всеми его социальными сетями и возможностями цифровой техники, не хватает шарма, думала Розали. При всей его эффективности, практичности и скорости шарма ему все же недостает.

Раньше, конечно, проверка почтового ящика была делом куда более интересным, размышляла она, остановившись в подъезде перед почтовыми ящиками. Единственное, что ты сейчас в них находишь, – это, как правило, счета, бланки налоговых деклараций и рекламные листки и буклеты.

Или извещения о повышении арендной платы.

Розали с досадой смотрела на такое извещение от своего арендодателя. Третье за пять лет повышение арендной платы. Она так и знала! В последние недели мсье Пикар, встречаясь с ней в подъезде, вел себя как-то особенно вежливо и приветливо. А на прощание всегда глубоко вздыхал и жаловался, что жизнь в Париже все дорожает и дорожает.

– Вы представляете, сколько уже стоит багет, мадемуазель Лоран? А сколько эти булочки дерут за круассан? Не поверите! Спрашивается, что там есть в этих круассанах – вода да мука, и только, разве не так?

Он пожимал плечами и смотрел на Розали с выражением, в котором смешались возмущение и отчаяние, затем, не дожидаясь ответа, плелся своей дорогой.

Розали удалилась к себе в магазин, выразительно возведя глаза к небу. Еще бы ей не знать, сколько стоят круассаны! Да она сама каждое утро покупала по круассану, к великому неудовольствию Рене.

Рене Жубер был высокий темноволосый мужчина, яркий приверженец здорового образа жизни и заядлый спортсмен. Уже три года он был ее близким другом, а работал персональным тренером. Возможно, молча вздыхала иногда Розали, в первую очередь он был тренером. Рене Жубер очень серьезно относился к своей профессии. В основном он занимался с хорошо обеспеченными дамами из высших слоев парижского общества, которые старательно следили за своей фигурой, своим физическим состоянием и здоровьем, пользуясь для этого услугами специально обученного специалиста с ласковыми карими глазами и тренированным телом. У него всегда было плотное рабочее расписание, но, похоже, его энергичная натура требовала более широкого поля деятельности, чем мог ему предоставить высший свет Парижа. По крайней мере, он никогда не упускал возможности приучить Розали к здоровому и более подвижному образу жизни (*Mens sana in corpore sano!*²) и разъяснить ей, сколько проблем таит в себе прием пищи. В списке смертельных опасностей у него на одном из первых мест значились столь

² В здоровом теле – здоровый дух! (лат.)

любимые ею круассаны («Пшеничная мука – для кишечника яд! Ты никогда не слыхала про пшеничный живот? Ты хоть представляешь себе, сколько от нее жира?»).

У Розали были свои представления о счастливой жизни (и такая жизнь не включала усиленных физических нагрузок, мюслей и соевых напитков), поэтому на нее эти уговоры не действовали и все миссионерские потуги друга обратить ее в свою веру потерпели полное фиаско. Розали никак не могла взять в толк, с какой стати она должна есть «цельные зерна». «Зерно – это корм для скота. Я же не корова», – говорила она, намазывая на разрезанный круассан толстый слой масла и джема и преспокойно принимаясь его уплетать.

Рене глядел на это с гримасой ужаса на лице.

– А к чашке кофе с молоком нет ничего вкуснее круассана или свежего багета, – продолжала она, сметая со скатерти рассыпанные крошки. – Этого и ты не можешь не признать.

– Тогда откажись хотя бы от кофе с молоком, ведь с утра гораздо полезнее выпить смузи из киви с листьями шпината, – возражал на это Рене, и Розали чуть не давилась от смеха круассаном. Надо же было сказать такую неслыханную чепуху! Утро без кофе – это же вообще как... Розали попыталась подыскать подходящее сравнение, но так ничего и не придумала. Это просто невообразимо, закончила она про себя.

В самом начале, когда они с Рене только что познакомились, она как-то раз дала себя уговорить и отправилась с ним ни свет ни заря на утреннюю пробежку в Люксембургском саду.

– Вот увидишь, как это здорово, – сказал Рене. – Утренний Париж – это совершенно другой город!

В этом он, наверное, был прав, но ей был гораздо милее старый Париж с его привычным укладом, когда ты поздно ложишься, потому что вечером рисуешь, читаешь, беседуешь за бокалом вина, а утро начинаешь с большой чашки кофе с молоком, которую выпиваешь не вставая с постели. И вот, слушая Рене, который легкими прыжками, как газель, бежал бок о бок с нею под кронами каштанов, стараясь вовлечь ее в легкую беседу («во время бега следует поддерживать такую скорость, при которой еще возможно разговаривать»), она вдруг почувствовала, что уже выдохлась, и остановилась оттого, что у нее закололо в бок.

– Ничего, ничего! Лиха беда начало, – ободрил ее тренер. – Держись, не сдавайся!

Как все влюбленные, Розали поначалу тоже очень старалась войти в симбиоз со своим партнером, слиться с ним, переняв его увлечения, и, повинувшись его настоятельным уговорам, предприняла еще одну попытку (правда, уже в одиночестве и не в шесть часов утра), но, после того как ее резво обогнал столетний старикашка, который шагал, вытянув шею и размахивая руками, она окончательно забросила мысль о занятиях спортом.

– С меня, пожалуй, довольно прогулок с Уильямом Моррисом, – со смехом объявила Розали.

– Уильям Моррис? А это кто такой? Мне есть из-за чего ревновать? – озабоченно спросил Рене (он тогда еще не успел побывать в лавке у Розали и слыхом не слыхивал о художнике Уильяме Моррисе. Но это было простительно, ведь и она не знала названий всех костей и мускулов человеческого тела).

Она чмокнула Рене в щеку и объяснила, что Уильям Моррис – это ее собачка, которую она – как-никак владелица писчебумажного магазина – назвала так в честь легендарного художника и архитектора времен королевы Виктории за то, что этот художник среди прочего делал рисунки для обоев и тканей.

Песик Уильям Моррис был очень добродушным терьерчиком тибетской породы – лхаса апсо, и сейчас ему было почти столько же лет, сколько и открыточной лавке. Днем он мирно спал в корзинке у порога, а ночью в кухне на подстилке и во сне иногда дергал лапами, так что слышно было, как они стучат в закрытую дверь. Как объяснил ей работник приюта для бездомных собак, эта мелкая порода отличалась самым миролюбивым нравом, потому что раньше эти собачки сопровождали в странствиях молчаливых тибетских монахов.

Тибетское происхождение песика произвело на Рене приятное впечатление, а когда он впервые пришел к Розали в лавку, Уильям Моррис при встрече с рослым широкоплечим незнакомцем приветливо помахал ему хвостом. Ну что сказать... Квартирой эту комнатуху над лавкой вряд ли можно было назвать, в ней едва помещались кровать, кресло, шкаф да большой чертежный стол у окна. Но комнатка выглядела очень уютно, а самое замечательное Розали обнаружила уже после того, как в ней поселилась. Через второе узкое окно в задней стене дома можно было выйти на плоскую крышу между двумя зданиями, которая летом стала служить Розали вместо террасы. Старые каменные вазоны с растениями и пара ветхих шпалер, которые летом покрывались плетями цветущих голубых клематисов, почти полностью закрывали этот уютный уголок от посторонних глаз.

Здесь-то, под открытым небом, Розали и накрыла стол к первому появлению Рене в ее лавке. Она не была выдающейся поварихой, карандашом и кистью Розали владела гораздо лучше, чем поварешкой, но на хромоногом столике, накрытом белой скатертью, горели разнокалиберные фонарики, красовались бутылка красного вина, гусиный пащтет, ветчина, виноград, шоколадный торт, консервированные половинки авокадо в масле, соленое масло, камамбер, козий сыр и ко всему этому – багет.

– О господи! – вздохнул с комическим отчаянием Рене. – Столько всего вредного для здоровья! Сплошной перебор! В конце концов ты доиграешься! Однажды твой организм не выдержит и ты окончательно разрушишь свой обмен веществ, тогда ты станешь такой же толстухой, как моя тетья Гортензия.

Розали поднесла к губам бокал с красным вином, как следует отхлебнула, отерла губы и, строго указывая перстом, сказала:

– Ошибаешься, мой милый! Столько всего *вкусного!*

Затем она встала и одним движением скинула платье.

– Ну как, разве же я толстуха? – спросила она и полуобнаженная, с развевающимися волосами прошла перед ним по террасе танцующей походкой.

Рене торопливо отставил свой бокал.

– Ну погоди!.. – воскликнул он, бросаясь за ней.

Они так и остались на крыше и пролежали на шерстяном одеяле, пока их не прогнала утренняя роса.

Сейчас, остановившись в темноватом подъезде, где всегда витал апельсиновый аромат моющего средства, Розали, запирая почтовый ящик, с неопределенной тоской вспоминала ту первую ночь на крыше. В последовавшие затем три года различия между ней и Рене становились все заметнее. И если раньше она старалась отыскать и отмечала что-то общее, то теперь ясно видела все, что их разделяет.

Розали любила завтракать в постели, Рене не видел ничего хорошего в том, чтобы «сорить в постели крошками». Она была совой, он – жаворонком; ей нравились спокойные прогулки с собачкой, он в этом году купил себе спортивный велосипед, чтобы гонять с ветерком по улицам и паркам Парижа. Что касается путешествий, то его все тянуло куда-то вдаль, Розали же с удовольствием готова была, не замечая времени, часами сидеть на какой-нибудь маленькой площади, каких много встречается в южных европейских городках.

Больше всего ее огорчало, что Рене не писал ей писем и открыток даже на день рождения. «Так я же вот он – здесь», – говорил он, когда она за завтраком напрасно высматривала на столе поздравительную открытку. Или же, уезжая на очередной семинар: «Можно ведь связаться по телефону».

Поначалу Розали писала ему самодельные открытки и записки на день рождения, или когда он неделю пролежал в больнице со сломанной ногой, или просто когда уходила по делам, или когда поздно ложилась спать и заставляла его уже уснувшим в кровати. «Ау, ранняя пташка,

не шуми и дай своей совушке еще немного поспать, вчера я проработала допоздна», – писала она и оставляла листок с запиской, на котором была нарисована сидящая на кисточке сова, рядом с кроватью.

Она повсюду рассовывала для него свои весточки – оставляла за зеркалом, на подушке, на столе, в карманах или в боковом кармашке портфеля, а теперь сама уже не могла вспомнить, когда она перестала это делать.

К счастью, у каждого была своя квартира, и оба обладали известной терпимостью, и Рене был очень позитивным по характеру человеком, он любил жизнь как она есть и совершенно не интересовался ее темными глубинами. Он казался Розали таким же миролюбивым, как ее апсо. И если им все-таки доводилось поспорить (из-за мелочей), то в постели все разногласия и недоразумения утихали сами собой и улетучивались в умиротворяющей тишине ночи.

Когда Розали случалось ночевать у Рене, что бывало нечасто, так как она не любила надолго оставлять без присмотра свою лавочку, а он жил в районе Бастилии, то она в угоду ему соглашалась съесть ложку-другую старательно приготовленной им каши-размазни, сдобренной сухофруктами и орехами, которой он от души ее потчевал, заверяя, что когда-нибудь она ее распробует и ей понравится.

На это она с кислотоватой улыбкой отвечала: «Когда-нибудь наверняка», – но, как только он уходил, выскребала из кастрюльки остатки этого полезного варева и отправляла их в туалет, а по пути в свою лавочку первым делом покупала в булочной еще теплый свежеспеченный круассан.

Не доходя до дома, она прямо на улице отламывала кусочек, радуясь, что бывает же на свете такая вкуснота! Но об этом она, разумеется, не рассказывала Рене, а так как ее дружок не отличался богатой фантазией, то, вероятно, очень бы удивился, застань он изменницу врасплах наедине с круассаном.

Круассан напомнил Розали о мсье Пикаре и неприятном сообщении о повышении арендной платы. Наморщив лоб, она озабоченно взгляделась в цифры на бумаге, и они произвели на нее удручающее впечатление. За прошедшие годы «Луна-Луна» приобрела постоянную клиентуру, и перед маленьким писчебумажным магазинчиком с любовно украшенной витриной задерживались все новые клиенты и туристы, которые, зайдя внутрь, с восхищенными возгласами перебирали подарочные открытки, хорошенькие записные книжечки или пресс-папье, а подержав что-то в руках, редко уходили из магазина без покупки. Тем не менее Розали все равно не могла похвастаться, что живет на широкую ногу. На открытках и красивых писчебумажных товарах нынче не сколотить состояния, даже находясь в бывшем центре литературной жизни – Сен-Жермене.

Однако Розали ни разу не пожалела о сделанном выборе. Матушка, которая в конце концов выделила ей в счет наследства небольшой стартовый капитал, безнадежно вздохнув, сказала, что Розали, мол, все равно поступит по-своему, но держать магазин все-таки лучше, чем барахтаться вольной художницей без всякой опоры под ногами.

Наверное, Катрин Лоран никогда не примирится с тем, что ее дочь не пожелала приобрести нормальную профессию. Или хотя бы выйти замуж за подающего надежды молодого (или пускай даже не очень молодого) человека. (Не может быть, чтобы ее избранником был этот добродушный тренер по фитнесу с громадными ножищами, человек, скучный до слез!) Катрин почти никогда не заходила в дочкину лавку, а своим друзьям и знакомым из аристократического седьмого района она говорила, что Розали открыла фирму по снабжению офисов канцелярскими товарами – так оно звучало хотя бы немного *серьезнее*.

Какое там «снабжение офисов»! Ничего похожего в магазинчике никогда не водилось. Скоросшиватели, дыроколы, корзинки для бумаг, прозрачные папки, клейкие ленты, скрепки – за всем этим никому бы в голову не пришло ходить в «Луну-Луну». Но Розали сочла излиш-

ним разъяснять это недоразумение. Она улыбалась и помалкивала и каждое утро с радостью спускалась из своей квартирке в лавку, чтобы открыть железные решетки и впустить в помещение солнце.

Стены сияли нежной голубизной цветущей гортензии. Посредине стоял потемневший от времени старинный деревянный стол, на котором были разложены все ее сокровища: оклеенные цветочным орнаментом коробочки, в которых можно было найти самые разные открытки, или глазурованные керамические стаканчики нежных тонов, которые изготавливала жившая неподалеку художница, а в них красовались тоненькие, обтянутые цветной бумагой карандашики. Рядом лежали папки для почтовой переписки в старинных переплетах с розами. Нарядные закладочки и записные книжки были сложены столбиками рядом с почтовыми папками и коробочками с сургучом и деревянными печатями.

На светлых стеллажах у стены лежали рулоны изысканной оберточной бумаги для подарков и рассортированные по цветам и размерам наборы почтовой бумаги и конвертов, сбоку рядом с маленьким столиком мягкого дерева, на котором стоял кассовый аппарат, свободно свисали концы воздушных подарочных лент, свернутых в рулончики, на фоне синей задней стены красовались подвешенные на веревочках каменные облицовочные плитки с белыми голубями, темными виноградными гроздьями и бледными гортензиями – старинные мотивы, которые по-новому засверкали, покрытые толстым слоем лака, а еще на стене висела большая картина маслом, написанная самой Розали, на которой была изображена бегущая по сказочному лесу белокурая девочка с развевающимися волосами, в пурпурном платье. В углу возле кассы стояла закрытая стеклянная витрина, в которой были выставлены дорогие авторучки и серебряные ножи для разрезания конвертов.

Витрина была декорирована филигранными зажимами для карт, издавека она походила на пестрое лоскутное одеяло. Собранные в изогнутых в виде сердечка серебряных проволочных зажимах карты, разложенные квадратом, образовывали одно художественное целое, радуя глаз своими красками. Рядом висели развернутые рулоны подарочной оберточной бумаги синего, бирюзового и матового желтовато-зеленого цвета, украшенные великолепными узорами работы Уильяма Морриса, а внизу были выставлены разложенные веером карты, нарядные коробочки для карт с цветочными мотивами или репродукциями картин с изображением читающих или прогуливающихся по пляжу женщин. Среди них на подстилке из шелковой бумаги стояли тяжелые стеклянные пресс-папье, внутри которых были засушенные цветы, гравированные изображения старинных парусников или такие слова и афоризмы, которые не надоедают, даже если их видеть перед глазами и читать каждый день. Например, слово «Paris», написанное легким коричневым мазком на замшевом фоне, или слово «Amour», или «La beauté est partout» – «Красота повсюду».

По крайней мере, так сказал скульптор и художник Огюст Роден, и, оглядывая свою лавку, Розали с радостью понимала, что и сама внесла толику красоты в то богатство, которое предлагает нам жизнь.

Особое место среди товаров, представленных в «Луне-Луне», занимали выполненные вручную открытки, которые были выставлены на двух стендах, кое-как поместившихся справа от входа, хотя они-то и представляли собой самое главное из всего, что имелось в магазине.

Если магазин на улице дю-Драгон смог просуществовать все эти годы, то лишь благодаря тому, что Розали пришла в голову идея создавать авторские открытки с пожеланиями. Открытки с пожеланиями стали тем оригинальным предложением, которым магазин Розали отличался от всех других, и вскоре все стали говорить о том, что в магазине писчебумажных товаров «Луна-Луна» можно заказать авторскую открытку для любого, самого необыкновенного случая.

По вечерам после закрытия магазина Розали в своей комнатке над лавкой до поздней ночи трудилась за большим чертежным столом, рисуя и делая акварельные картинки для

всех, кто еще верил в магию написанных от руки слов. Эти открытки были очаровательными маленькими произведениями искусства, выполненными на бумаге ручной работы с узорчатым обрезаем, снабженными какой-нибудь надписью или высказыванием, к которому Розали придумывала подходящую картинку. На одной открытке, например, синей тушью была сделана рукописными буквами надпись: «Не забывай меня», а под нею была нарисована маленькая женщина с двумя чемоданами, протягивающая навстречу зрителю гигантский букет написанных легкими мазками незабудок. Или: «И за тучами светит солнце» – на этой открытке стояла приунывшая девушка под красным зонтиком на залитой дождем улице, над которой нависли густые тучи, в то время как в верхней части картинке маленькие ангелочки играли в мячик, перебрасывая друг другу солнце. «Проснувшись, я подумал, как бы я хотел, чтобы ты была со мной», – гласила надпись на другой открытке, на которой по-детски нарисованный из палочек человечек, сидящий на кровати посреди зеленой лужайки, дул на одуванчик, и из разлетающихся пушинок образовывались маленькие букочки, из которых складывалось слово «тоскую».

Открытки с пожеланиями, выполненные Розали, немного похожие по манере на рисунки Раймона Пейне³, раскупались с лету, и скоро в лавке стали появляться первые заказчики со своими представлениями и идеями.

Как правило, речь шла о таких распространенных темах, как дни рождения, свадьбы, пожелания скорейшего выздоровления, приглашения, валентинки, поздравления с Пасхой или Рождеством, но попадались и особые заказы.

Дочери писали пожелания матерям, матери – пожелания сыновьям, племянницы что-то желали своим тетушкам, бабушки – внучатам, подруги – подругам. Но самыми изобретательными людьми, как всегда, бывали влюбленные.

Буквально на днях приходил уже немолодой господин в серебряных очках и в строгом костюме, чтобы сделать заказ. Неторопливо достав из кожаного портфеля записку, он смущенно положил ее на стол.

– Как, по-вашему, к этому можно придумать что-то подходящее?

Розали прочла, что говорилось в записке, и улыбнулась.

– О да, – сказала она.

– До послезавтра успеется?

– Вполне.

– Но тут надо что-то очень красивое.

– Не беспокойтесь!

В тот вечер Розали, засев наверху в своей комнате за чертежным столом, на котором под черной металлической лампой стройными рядами выстроились стеклянные банки с карандашами и кисточками различных размеров, нарисовала мужчину в сером костюме и женщину в светло-фисташковом платье, которые, взявшись за руки, летят над Парижем, влекомые на голубых лентах стаей белых голубей.

В завершение Розали тушью вывела под картинкой подпись: «Женщине, с которой я хочу летать».

* * *

Розали сама уже давно сбилась со счета, сколько таких уникальных открыток она изготовила за последние годы. До сих пор все заказчики, получив свою открытку, уходили довольные, и Розали надеялась, что все пожелания не пропали даром, а исполнились с той точностью, с

³ Раймон Пейне (1908–1999) – французский художник-график, заслуживший всемирную известность своими лирическими рисунками на тему «Поэт и его невеста».

какой меткие стрелы Купидона поражают сердца влюбленных. Хотя в том, что касается пожеланий, сама красавица-художница была не так удачлива, как они.

Каждый год в свой день рождения Розали с собственноручно нарисованной открыткой отправлялась на Эйфелеву башню, чтобы сделать пожелание самой себе. Преодолев семьсот четыре ступеньки, она поднималась на вторую площадку и с отчаянно бьющимся сердцем (потому что, как мы уже говорили, не была завязанной альпинисткой) отпускала лететь по ветру открытку, на которой было написано ее заветное желание.

Это был безобидный маленький ритуал, о котором не знал даже Рене. Розали вообще была большой любительницей ритуалов. Ритуалы вносили в жизнь стройную форму, помогая навести порядок в ее хаосе и сохранять необходимую перспективу. Первая чашка кофе по утрам. Круассан из булочной. Ежедневные прогулки с Уильямом Моррисом. Лимонное пирожное по нечетным числам. Бокал красного вина после окончания рабочего дня. Венок из незабудок в апреле, когда она навещала могилу отца.

Вечером, садясь рисовать, она обычно ставила одни и те же компакт-диски. То дымчатые шансоны Жоржа Мустаки⁴, то словно писанные короткими касаниями кисти песни Корали Клеман⁵. В последнее время любимым был диск русского музыканта Владимира Высоцкого. Не понимая слов, она вслушивалась в звучание то лирических, то мужественных песен, и из музыки в ее голове рождались образы, а карандаши так и летали по бумаге.

В юности Розали вела дневник, стараясь запечатлеть все самое для себя важное. С тех пор она давно его забросила, но, открыв лавку, она взяла себе за правило каждый вечер записывать в голубом блокнотике самое плохое и самое хорошее событие прошедшего дня. Только сделав это, она чувствовала, что день уже прожит, и легко засыпала.

Да, ритуалы – это хорошая точка опоры, и сама мысль о них вызывает радостное ожидание. Поэтому Розали каждый год с радостью готовилась к двенадцатому декабря, чтобы в очередной раз подняться на Эйфелеву башню и сверху увидеть весь Париж у своих ног. Высота ее не пугала, напротив, она любила это ощущение простора, открывающуюся панораму, настраивающую на полет мысли, и, отпустив открытку, Розали на секунду закрывала глаза, представляя себе, как ее мечта осуществится в действительности.

Но до сих пор, к сожалению, ни одна ее мечта не исполнилась.

В первый раз поднявшись на Эйфелеву башню со своей открыткой, Розали загадала желание, чтобы выздоровела ее любимая тетушка Полетта (тогда еще оставалась слабая надежда, что сложная операция спасет ее зрение), но, хотя операция прошла удачно, тетушка все-таки ослепла.

В другой раз она пожелала выиграть в конкурсе молодых иллюстраторов. Но желаемая награда – договор с издательством и денежный приз в десять тысяч евро – досталась молодому долговязому художнику, который рисовал одни только пальмы и зайцев, зато был сыночком богатого издателя парижской газеты.

Еще до того как познакомиться с Рене, когда Розали после нескольких неудачных романов жила одна, она загадала желание встретить своего суженого, который пригласил бы ее однажды вечером в «Жюль Верн» – ресторан наверху Эйфелевой башни, из которого открывался самый роскошный вид на Париж, – чтобы там, высоко над сияющим огнями городом, задать ей самый главный вопрос.

⁴ *Жорж Мустаки* (наст. имя: Юсеф/Джузеппе Мустаки (1934–2013)) – французский шансонье, бард и композитор. Написал слова песни Эдит Пиаф «Милорд». В 1998 г. снимался в роли аббата Фариа в фильме «Граф Монте-Кристо».

⁵ *Корали Клеман* (р. 1978) – французская певица.

Но и это желание тоже не исполнилось. Зато она познакомилась с Рене, который в один прекрасный день со всего разбегу налетел на нее на улице Коломбье и чуть не сбил с ног. Рассыпавшись в извинениях, он пригласил ее в ближайшее бистро и за тарелкой *salade de pay⁶* заявил, что такой красавицы, как она, никогда еще не встречал. Но Рене скорее уж пригласил бы ее в поход на Килиманджаро, чем в дорогой и, по его мнению, никому не нужный ресторан на Эйфелевой башне. («На Эйфелеву башню? Ну ты даешь, Розали!»)

В другой раз она загадала желание помириться с матерью – благое желание! Еще ей хотелось, чтобы у нее был домик у моря. Да, конечно, это она сильно размахнулась, но мечтать же никому не запрещается!

В последний день рождения – ей тогда стукнуло тридцать три, и над празднично украшенным Парижем лил противный холодный дождь – Розали все же отправилась в поход, одетая в толстое синее зимнее пальто, и снова поднялась на Эйфелеву башню. В тот день там было довольно пусто, только несколько человек каталось на коньках на катке, который каждый год заливали на первой площадке, да еще несколько японцев неустанно фотографировались, старательно улыбаясь в объектив и поднимая кверху большой палец.

В этом году Розали задумала очень скромное желание.

На открытке, которую она держала в руке, был нарисован мост, а на его решетчатых перилах висели сотни маленьких замочков. Перед мостом стояли два маленьких человечка – мужчина и женщина – и целовались.

Мост был легко узнаваем, это был Пон-дез-Ар⁷ – пешеходный мост через Сену, с которого открывался чудесный вид на Эйфелеву башню и на остров Ситэ. В летние вечера на нем всегда былолюдно.

Розали любила этот простой железный мостик с деревянным покрытием. Иногда она приходила сюда посидеть на скамейке и разглядывала многочисленные замочки на перилах, каждый из которых рассказывал о любви навек.

Пока жива любовь – она вечна. Кто же это сказал?

Розали сама не знала почему, но каждый раз на этой скамейке ее охватывало особенное чувство от вида этих трогательных замков, которые, как стойкие оловянные солдатики, охраняли любовь.

Может быть, это было и глупо, но в глубине души она тоже мечтала о таком замочке.

«Кто подарит мне такой замочек, тот и есть мой суженый», – подумала она, высунувшись за мокрую ограду Эйфелевой башни, чтобы с размаху запустить свою открытку под струи дождя.

Думала она при этом, конечно же, о Рене.

Как-то зимой в ясный безоблачный день они с Рене рука об руку шли по этому мосту, и все перила так и сверкали на солнце. Ни дать ни взять сокровища Приама!

– Посмотри, как красиво! – воскликнула Розали.

– Золотая стена, – произнес Рене в неожиданном приливе поэтического настроения и на минутку остановился, чтобы прочесть надписи на замках. – К сожалению, не все то золото, что блестит, – прибавил он с усмешкой. – Хотел бы я знать, кто из тех, что себя тут увековечили, по-прежнему вместе.

У Розали не было никакого желания это знать.

– Но все-таки разве не замечательно, что люди снова и снова влюбляются и хотят это как-то показать? Вот мне почему-то трогательно смотреть на эти замочки, – возразила она. – Это так... романтично!

⁶ Салат по-деревенски (*фр.*).

⁷ Пон-дез-Ар (*фр.* Pont des Arts) – мост Искусств.

Больше она ничего не добавила, потому что загаданные на день рождения мечты надо хранить так же, как желания, задуманные под падающую звезду, – о них никому нельзя рассказывать.

Рене со смехом обнял ее:

– Боже мой! Только не говори, пожалуйста, что ты и вправду мечтаешь о таком замочке, это же чистый китч!

Розали смущенно засмеялась, но подумала, что чистый китч иногда бывает очень заманчив.

А две недели спустя она, как привыкла из года в год, опять стояла на площадке Эйфелевой башни, задумчиво глядя, как ее открытка, намокшая и отяжелевшая от дождя, словно подстреленный голубь, падает на землю. И вдруг сзади ей на плечо тяжело опустилась чья-то рука.

– Не, *mademoiselle*, *qu'est que vous faites là?*⁸ – прогремел над самым ухом грозный оклик.

Розали вздрогнула и чуть не потеряла равновесие от испуга. Человек в синей форме и фуражке сердито уставился на нее карими глазами.

– Эй, а что это вы вздумали пугать меня! – возмутилась в ответ Розали.

С одной стороны, она чувствовала себя застигнутой на месте преступления, но в то же время была недовольна, что кто-то нарушил ее священный ритуал. С тех пор как правительство, опасаясь карманников, установило охрану в излюбленных туристических местах, нигде не стало покоя от стражей порядка даже в дождливый декабрьский день! Вот уж беда на наши головы!

– Ну? Это что еще такое? – грубо повторил полицейский. – Нечего тут раскидывать мусор!

– Это не мусор, это было загаданное желание, – сердито ответила Розали, чувствуя, как от стыда у нее горят уши.

– Не надо хамить, мадемуазель! – Полицейский скрестил руки и воздвигся перед ней во весь свой могучий рост. – Что бы это ни было, вы сейчас тихонько спуститесь вниз и подберете за собой, ясно? Заодно можете захватить и этот пакет из-под чипсов, – добавил он, ткнув пальцем на валяющуюся под ногами мокрую пластиковую упаковку.

Он проводил глазами молодую женщину в синем пальто, которая с недовольным видом спускалась по лестнице.

Спустившись вниз, Розали в приступе любопытства действительно обошла вокруг башни в поисках своей открытки. Но та исчезла без следа.

После этого довольно нелепого происшествия на Эйфелевой башне, о котором Розали, естественно, никому не рассказала, прошло уже больше трех месяцев. Сырой и промозглый декабрь сменился январскими штормами, затем наступил неожиданно солнечный февраль. День рождения давно миновал, потом наступил и прошел День святого Валентина, а ее желание в очередной раз не исполнилось.

Рене с гордостью презентовал ей коробку с кроссовками («Свободно пропускающие воздух, суперлегкие. Моей любимой ко Дню святого Валентина»).

В марте тоже никто не догадался подарить Розали золотой висячий замочек. А тут уже и апрель на дворе.

Столько раз загадывать – и в результате шиш тебе! Подводя итоги за последние годы, Розали пришла к выводу, что пора, пожалуй, положить конец ребяческому ритуалу и начать вести себя как взрослый человек. И она решила: если и в этом году ничего не произойдет, то она перестанет забираться на Эйфелеву башню.

⁸ Эй, мадемуазель, что это вы затеяли? (*фр.*)

В воздухе чувствовалось тепло, весна постепенно брала свое. А весна иногда исполняет обещания, которых не сдержала зима.

Эти слова Розали как раз писала на новой открытке, когда снизу вдруг послышался энергичный стук в дверь.

3

Ле-Везине был очаровательным городком, расположенным в излучине Сены примерно в двадцати километрах от Парижа. И сейчас еще чувствуется, что эта местность, относящаяся к региону Иль-де-Франс, в прежние времена была занята лесами, там любили охотиться французские короли. Сюда выезжали импрессионисты, чтобы запечатлеть на холсте нетронутую природу на сонных берегах Сены, и кое-где вдоль дорог в наши дни все оставалось таким же, как во времена Мане и Моне.

За живыми изгородями и каменными оградами виднелись богатые виллы; зеленые луга, парки и тихие озера радовали глаз, а проезжая по старинным тенистым аллеям под столетними деревьями, ты чувствовал, как тебя поневоле охватывает умиротворенный покой. Иными словами, Ле-Везине был идеальным местом для того, кто мечтает о тишине.

«Только какой может быть покой, когда на тебя насаждает настырный издатель!» – раздраженно подумал Макс Марше.

Знаменитый детский писатель сидел в это утро у себя за письменным столом перед окном, за которым был виден идиллический сад с большой лужайкой, старым каштаном и черешней, темно-зеленой беседкой и пышными кустами гортензий, как вдруг зазвонил телефон.

Он звонил уже не в первый раз за это утро, и Макс прекрасно знал почему. Уж если этот Монсиньяк что-то забрал себе в голову, от него никакими силами невозможно было отвязаться, как от терьера, вцепившегося тебе в ногу.

Макс Марше расплылся в улыбке. Очевидно, его вопросом шеф занялся самолично. Макс признался себе, что ему это немного льстит.

Сначала ему позвонила некто мадемуазель Мирабо. По-видимому, главный редактор издательства «Опаль-Жёнеcс» – отдела детской литературы в издательском доме «Опаль», которому принадлежали права на переиздание его детских книг, они все еще пользовались успехом.

Мадемуазель Мирабо, щебетавшая тоненьким птичьим голоском, была с ним вежлива, но в то же время очень настойчива. Она пробовала все новые заходы, чтобы уговорить его подумать о проекте новой детской книжки.

Макс еле отделался от нее, ответив окончательным «нет». Неужели это так трудно понять?

Ну нет у него желания написать новую книжку. Нет, он не держит в запасе никаких замечательных идей. Нет, дело и не в авансе. Просто ему больше не требуется зарабатывать на жизнь, денег у него и так хватает. Он давно уже не писал детских книг, а четыре года назад, после того как умерла его жена, Макс Марше окончательно удалился из Парижа и отошел от публичной жизни.

Смерть Маргариты была трагическим событием, которое произошло по чистой случайности.

Ничего не подозревая, она шла по улице, направляясь на рынок, как вдруг кто-то внезапно резко распахнул дверцу припаркованной машины, и Маргарита так неудачно упала, что сломала себе шею. Эта роковая случайность так потрясла Марка, что он впал в отчаяние. Жизнь, как и раньше, шла своим чередом, но в ней образовалась ничем не заполненная пустота.

Макс по-прежнему ходил на прогулку по приветливым улицам и паркам Ле-Везине, в хорошую погоду отдыхал в плетеном кресле в тени каштана, любясь садом, которым увлеченно занималась его жена. Теперь за садом ухаживал садовник.

Остальное время Макс любил проводить за письменным столом, где писал небольшие статьи для сборников и специальных журналов. Или устраивался с книжкой на одном из двух

диванов в соседней комнате с камином, где находилась библиотека, там на высоких, до потолка, стеллажах хранились тысячи книг, создавая атмосферу уюта и покоя.

С годами у него пропал интерес к современной литературе. Он предпочитал перечитывать классиков, которыми восхищался в молодые годы и которые, если говорить начистоту, не шли ни в какое сравнение с тем, что нынче расхваливают в издательствах, предлагая читателю как «сенсационные новинки». Да и кто же сегодня еще пишет как Хэмингуэй, как Виктор Гюго или Маркес, как Сартр, Камю или Эльза Моранте! Да и у кого сегодня есть за душой что сказать? Что-нибудь значительное, что завтра же не будет забыто? Сегодня жизнь как бы распространяется вширь, набирает скорость и мельчает, теряя глубину, то же самое, похоже, происходит и с книгами. Хуже всего дело с романами. На вкус Макса, их и так уж понаписано больше чем достаточно. Рынок битком набит банальностями. Сегодня ведь всякий мало-мальски владеющий французским языком воображает себя писателем, недовольно подумал Макс. Написано слишком много, а им все мало и мало. Бесконечное повторение одного и того же.

Макс раздраженно вскинул голову. Телефон на столе опять затрезвонил.

– Да заткнись же ты, наконец, Монсиньяк! – буркнул он.

А может быть, все дело в нем самом? Может быть, он просто устал без конца ввязываться во что-то новое и потому обратился к хорошо знакомому старому. Может быть, и впрямь все идет к тому, что он становится старым брюзгой, как в сердцах бросила ему на прошлой неделе его экономка Мари-Элен Бонье, когда он сначала пожаловался на погоду, поворчал на вечную болтовню соседки, а потом еще заявил, что ему не понравилась еда.

Ну и что с того!

В последнее время его опять мучили боли в спине, и это, конечно, не могло не влиять на настроение. Постанывая, Макс попытался как-нибудь поудобнее устроиться в кресле. Сам виноват – не надо было двигать в саду тяжелый вазон с самшитом! Прямо тошно становится все время думать о том, как бы не простудиться да как бы неудачно не повернуться. А старые друзья и знакомые с возрастом тоже обзавелись всякими странностями и причудами, которые все труднее становится сносить. Или вдруг кто-то из них возьмет да и помрет, отчего ты еще сильней ощущаешь свое одиночество и тебя охватывает печальное чувство, как бы не случилось так, что ты всех переживешь и останешься один как перст.

Словом, сплошная тоска! Тот, кто первый заговорил про «счастливую старость», был, вероятно, либо полным идиотом, либо циником. Непростое это дело – старея, сохранять хороший характер. В особенности в неудачные дни.

Телефон умолк, и у Макса расплылась по лицу торжествующая улыбка: моя взяла!

Он посмотрел в окно, и его взгляд остановился на кустах гортензии, которые росли в конце сада у стены из дикого камня. На лужайку откуда-то выскочила белочка и, промелькнув как молния, скрылась среди кустов гортензии и роз. Это были любимые цветы его жены, которая и сама носила цветочное имя – Маргарита. Она была страстной садовницей.

Он перевел взгляд на стоявшую на столе фотографию. На ней была запечатлена женщина с добрыми глазами и хорошей улыбкой.

Он скучал по ней. До сих пор не мог привыкнуть, что ее нет. Они встретились поздно, и то спокойное, ровное отношение Маргариты ко всему, что бы ни случилось в жизни, хорошо влияло на него, тревожного по натуре.

Он снова склонился над рукописными заметками, которые лежали перед ним на столе, и набрал на клавиатуре компьютера еще несколько предложений. Все-таки это замечательное изобретение! Нет, нельзя сказать, что все новое – это плохо. Как легко на компьютере вносятся изменения, причем правка не оставляет после себя никаких следов. В прежнее время в редакции газеты еще печатали на пишущих машинках, рычаги букв то и дело цеплялись один за другой. Под копирку делалось несколько экземпляров. Тогда нельзя было сделать сколько угодно копий. А уж если ты допустил опечатку, то исправить ее стоило много возни.

Он попытался снова сосредоточиться на работе. Эссе на тему «Отвлекающие моменты как философская проблема», заказанное ему небольшим издательством научной литературы. Макс Марше не всегда был детским писателем. После окончания университета он работал журналистом и время от времени писал статьи для научных журналов. Но известность он заслужил своими детскими книгами, и даже сделался знаменитым писателем. Это он-то, у кого никогда не было детей! Ирония судьбы! Истории про зайца Сливовый Нос и «Приключения маленькой ледяной феи» да серия из семи книжек про маленького рыцаря Шелопута неожиданно сделали его богатым человеком. Но вскоре после женитьбы у Маргариты случилась внематочная беременность, от которой она едва не погибла, и это стало окончательным приговором. Макс был бесконечно благодарен судьбе, что жена осталась жива. С Маргаритой и без детей было хорошо, и годы пролетели как один день.

В этом году ему исполнилось семьдесят лет. В молодости ему не верилось, что это может быть. Семьдесят! Об этом он не любил думать.

– Вам надо побольше выходить из дому, мсье Марше! Придумайте что-нибудь! Поезжайте в Париж, ходите в кафе, встречайтесь с друзьями, съездите на свою дачу в Трувиль или пригласите сестру, чтобы приехала к вам из Монпелье погостить. Нехорошо так замыкаться в одиночестве. Я считаю, каждому человеку нужно иногда с кем-то поговорить.

Мари-Элен с ее многословными наставлениями доводила его иногда до белого каления.

– Вы же у меня есть, – возражал он.

– Нет-нет, мсье Марше. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Вы все больше замыкаетесь. И характер у вас все больше портится. – Мари-Элен энергично вытирала пыль на полках в библиотеке. – Мне же кажется, что я совсем как экономка этого – ну как там его звали – нелюдимого такого, который засел у себя дома и обо всем, что творится на свете, узнавал от своей экономки.

– Марсель Пруст, – сухо вставил Макс. – Хватит вам, Мари-Элен, читать проповеди, и вообще, бросьте вы эту чепуху! Со мной все в порядке. И меня вполне устраивает то, как я живу.

– Да неужели? – сказала на это Мари-Элен, стоя перед ним с метелкой для пыли наперевес. – Вот уж никогда не поверю, мсье Марше! Знаете, кто вы такой? Одинокий старик в большом пустом доме.

«Сильно сказано. В романе такая фраза была бы в самый раз», – иронически подумал Макс.

И не только в романе: слова экономки действительно попали в точку.

Через два часа опять зазвонил телефон, и Макс раздраженно захлопнул компьютер, а заметки к эссе «Отвлекающие моменты как философская проблема» окончательно отодвинул в сторону и решительно снял трубку.

– Да, я вас слушаю, – недовольно буркнул он.

– О-о, Марше! Как я рад, что наконец до вас дозвонился. А то, смотрю, вы ранняя пташка – с утра уже дома не застать. Я вам целый день названиваю.

– Я знаю, – сказал Марше, устало возводя глаза к небу.

Как он и думал, это, конечно же, был Монсиньяк. Издатель рассыпался в любезностях:

– Милый, дорогой мой Марше! Как вы поживаете? Все благополучно? Наша очаровательная мадемуазель Мирабо уже рассказала вам, что у нас тут появились на вас определенные виды и мы собираемся по этому поводу к вам обратиться?

– Сказала, – буркнул Макс. – Но, боюсь, у нас с вами не получится договориться.

– Ну что вы, Марше! Бросьте! Не надо быть таким пессимистом. Всегда найдется способ поладить. Почему бы нам с вами не встретиться на той неделе в «Издателях» и не обсудить все без спешки с глазу на глаз?

– Не трудитесь, пожалуйста, мсье Монсиньяк. Мой ответ будет «нет». Скоро мне уже семьдесят, когда-то пора и точку поставить.

– Что за разговоры, Марше! Это же несерьезно! Подумаешь – семьдесят лет! Это не аргумент. Вы же не старик. Семьдесят – все равно что пятьдесят. Я знаю писателей, которые в этом возрасте вообще только начали писать.

– Бывают же такие молодцы! Вот к ним и обращайтесь.

Монсиньяк предпочел пропустить это замечание мимо ушей и продолжал свое:

– Уж коли вам семьдесят, дорогой Марше, то как раз поэтому вам и следует написать новую книгу. Подумайте о своем клубе фанатов, подумайте о детях, для которых ваши книги – это счастье. Да вы хоть знаете, сколько экземпляров «Зайца – Сливовый Нос» ежемесячно расходуется в магазинах? Вы по-прежнему самый главный детский писатель в стране. Французская, так сказать, Астрид Линдгрен, – тут Монсиньяк засмеялся, – с тем неоспоримым преимуществом, что вам еще только исполнится семьдесят и вы можете написать новые книжки. – Он принялся вслух мечтать: – Новая книжка, которую мы выпустим к вашему юбилею. Et voilà!⁹ Попадание в яблочко! Говорю вам, это станет бестселлером! Я уже вижу: вся пресса будет о нем гудеть! Двадцать лицензий, проданных за границу! И тут мы вслед за новой книжкой движем переиздания старого. Просто праздник!

Макс Марше прямо слышал, как старик Монсиньяк потирает руки. «Старик Монсиньяк!»! Макс невольно заулыбался, слушая, как пророчествует впавший в эйфорию издатель.

На самом деле Монсиньяк был еще не так уж и стар. Ему было около шестидесяти пяти, то есть меньше, чем Максу. Но рано поседевший Монсиньяк с его массивной фигурой, с круглым брюшком, на котором, когда на него напал очередной устрашающий приступ ярости, казалось, вот-вот треснет по швам до отказа натянувшаяся белоснежная рубашка, в восприятии Макса всегда представлялся старшим по возрасту.

С издателем «Опаля» они были знакомы вот уже почти тридцать лет. И Макс ценил этого энергичного, нетерпеливого, вспыльчивого, настойчивого, зачастую несправедливого, но доброго в душе человека, который столько лет ведал его издательскими делами. Монсиньяк заключил с ним договор на первую книгу, когда Макс Марше являл собой еще чистый лист. Для оформления книги начинающего автора он даже нанял лучшего иллюстратора, притом что его рукопись была отклонена несколькими издательствами.

Издательский риск, на который пошел Монсиньяк, более чем оправдал себя. «Приключения Зайца – Сливовый Нос» стали бестселлером и были проданы во многие страны. Все последующие книги Макса Марше также выходили в издательстве «Опаль-Жёнеес», некоторые из них теперь уже стали признанной классикой детской литературы.

Когда умерла Маргарита, Монсиньяк, махнув рукой на книжную ярмарку, приехал на похороны, чтобы поддержать Макса.

– Крепитесь, Марше! – шепнул он Максу на ухо, крепко пожимая его руку. – Крепитесь! – А затем дружески обнял его за плечи.

Макс Марше этого не забывал.

– Скажите, Марше, – тут в голосе издателя послышались подозрительные нотки, – вы же не собираетесь нам изменить, а? Неужели тут замешан какой-то другой издатель? Может быть, в этом загвоздка? Не хотелось бы думать, что вы так поступили после всего, что мы для вас сделали, а? – выпалил он возмущенно.

– Ну знаете ли, Монсиньяк! За кого вы меня принимаете?

– А в таком случае я не вижу причины, почему бы нам не приступить к нашему новому проекту, – облегченно вздохнул Монсиньяк.

– Какому проекту? – всполошился Макс. – Я не знаю никакого нового проекта.

⁹ И готово! (фр.)

– Да ладно, Марше! Не заставляйте себя упрашивать! Что-то уже есть на подходе! Я это чувю. Подумаешь, какая-то маленькая история! Для вас же это пустяк, легкая разминка!

– Послушайте, Монсиньяк! Отстаньте от меня, наконец, с вашими уговорами. Я – угрюмый старик, куда мне еще какая-то разминка!

– Ишь как сказано-то! Bravo! Знаете что, Марше? Я к вам хорошо отношусь, но так себя жалеть, как вы, – это же просто невыносимо слушать! Пора вам выбраться из норы, в которую вы забились. Выбирайтесь, мой друг! Начинайте писать! Впустите в свою жизнь что-то новое, чтобы в ней стало посветлее. Вы и так уж слишком засиделись, спрятавшись за самшитовой изгородью!

– За изгородью, сложенной из камня! – поправил его Макс, продолжая глядеть на кусты гортензии, разросшиеся вдоль ограды.

Вот уже второй раз за эту неделю он получил выговор. Похоже на сговор между издателем и экономкой.

– Я уже и не помню, когда последний раз брался за детскую книгу, – немного помолчав, попробовал увильнуть Макс.

– Уж поверьте мне, это как ездить на велосипеде: однажды научившись, никогда не разучишься. Еще какие-нибудь причины?

Монсиньяк, как всегда, верен себе. Он не принимает отказов. Макс вздохнул:

– Причина в том, что у меня нет ни одной новой мысли.

Издатель громко расхохотался.

– Надо же такое сказать! – произнес он, нахохотавшись.

– Правда, Монсиньяк, у меня нет в запасе ни одной новой истории.

– Ну так поищите, Марше, поищите! Я совершенно уверен, что в конце концов вы отыщете замечательную историю.

Он сказал это так, будто надо было просто открыть шкаф, порыться и достать оттуда историю, как пару старых носков.

– Итак, договорились: в следующую пятницу в час встречаемся в «Издателях», и никаких возражений!

В этот маленький ресторанчик, расположенный за станцией метро «Одеон», редко забредали туристы. Здесь встречались издатели со своими авторами, представители отдела лицензирования вели переговоры с иностранными редакторами, приехавшими на книжную ярмарку. Посетители сидели в окружении книг в удобных кожаных креслах под громадными вокзальными часами, лакомились изысканными кушаньями, которые предлагало меню, или ограничивались чашечкой кофе и свежавыжатым апельсиновым соком.

Мсье Монсиньяк, которому плохо сиделось на жестких кожаных стульях других кафе, так что он очень скоро начинал на них беспокойно ерзать, чрезвычайно ценил комфорт мягких кресел. Для него это было одной из главных причин, чтобы назначать деловые встречи именно в этом ресторане.

Он мешал ложечкой в чашке с кофе эспрессо и с благоговением взирал на гладко причесанного седовласого собеседника, который два часа назад явился на встречу в строгом синем костюме. Недавно тот, якобы из-за большой спины, обзавелся прогулочной тростью – элегантной палкой с серебряным набалдашником в виде львиной головы, но Монсиньяк не мог избавиться от ощущения, что писатель просто любит пококетничать своим возрастом и, о чем бы ни шла речь, нарочно делает так, чтобы его уговаривали.

Между тем он по-прежнему видный мужчина, подумал Монсиньяк. Живой взгляд светлых глаз выдавал в нем духовную бодрость, хотя после смерти жены он стал немногословен.

Во всяком случае, Монсиньяк с первого взгляда понял, что услышит хорошие новости, для этого достаточно было видеть смущенную улыбку, с которой Марше опустился в кресло напротив.

– Так и быть, считайте, что вы меня уломали, – сказал он без долгих предисловий. – Нашлась у меня еще одна история.

– Интересно, почему меня это не удивляет? – ответил Монсиньяк с довольным смешком.

Монсиньяк несколько не удивился и тогда, когда всего через две недели получил по электронной почте готовую историю, то есть, можно сказать, прежде, чем высохли чернила на договоре. Некоторым писателям требуется, чтобы их немного растормошили, и тогда дело идет как по маслу.

– Чудесная история, просто замечательная! – радостно восклицал он по телефону. Прочитав рукопись, он тотчас же позвонил автору, который на этот раз сразу снял трубку, как будто только и ждал звонка. – Вы превзошли самого себя, мой друг!

Затем, правда, Монсиньяку потребовалось все его красноречие, чтобы убедить автора в необходимости сменить иллюстратора для новой книжки.

– Это почему еще? – уперся Макс. – Почему нельзя опять поручить это Эдуарду? Я очень ценю его, и работать с ним всегда было одно удовольствие.

Монсиньяк мысленно вздохнул. Тяжеловесные рисунки Эдуарда Гризо, которому шел уже восьмой десяток и который теперь не признавал ничего, кроме ксилографии, совершенно не отвечали современным требованиям оформления детских книжек. Надо идти в ногу со временем. Такова жизнь.

– Нет-нет, Марше, здесь надо что-нибудь повоздушнее. Я тут наметил одну молодую художницу, у нее совершенно неповторимый почерк, мне он понравился. Она еще не пользуется большой известностью, но зато у нее полно свежих идей. Незатасканная манера. Оригинальность. Жадность к работе. Как раз то, что нужно для вашей истории о синем тигре. Она рисует открытки.

– *Открытки?* – недоверчиво протянул Марше. – Гризо – профессиональный *художник*, а вы хотите поручить работу дилетантке?

– Не будьте таким предвзятым, Марше! Надо сохранять открытость чему-то новому. Ее зовут Розали Лоран, и она держит лавочку с открытками на улице дю-Драгон. Вы бы как-нибудь просто заглянули к ней туда, а потом скажете мне, какое у вас впечатление.

И так случилось, что несколько дней спустя Макс Марше остановился перед лавочкой Розали и нетерпеливо постучал палкой в запертую дверь, окаймленную голубой рамкой.

4

Розали не сразу услышала стук. Она рисовала за столом, непричесанная, в джинсах и пуловере, слушая песню Владимира Высоцкого про Одессу. Розали понимала только два слова: «Одесса» и «принцесса». В такт музыке она покачивала ногой.

Понедельник был единственным днем недели, когда «Луна-Луна», как и многие другие магазины Парижа, была закрыта.

К сожалению, день начался неудачно. Попытка отговорить мсье Пикара от нового повышения арендной платы закончилась громкими пререканиями. Розали просто не удержалась и обругала хозяина капиталистом и кровопийцей.

– Вы слишком много себе позволяете, мадемуазель Лоран, слишком много себе позволяете! – закричал мсье Пикар, сверкая глазками-пуговками. – Такова цена аренды в Сен-Жермене. Пожалуйста, съезжайте, если она вас не устраивает. Я могу хоть сегодня сдать эту лавочку «Оранжу». Если хотите знать, они заплатят и вдвое больше.

– «Оранжу»? Это еще кто такие? А, так вы говорите о конторе по предоставлению услуг мобильной связи? И вы хотите вместо моего хорошенького магазинчика пустить сюда мобильщиков? Вы готовы дойти до такой низости? – повысила голос Розали и с нестерпимо бьющимся сердцем бегом спустилась по выщербленной каменной лестнице (мсье Пикар жил на четвертом этаже) и так хлопнула дверью, что грохот прошел по всему подъезду.

Тут она дрожащими руками зажгла сигарету. Стоя у окна, она пускала дым в утреннее парижское небо. Дело было серьезнее, чем она думала. Судя по всему, ей придется-таки бросить заработанные с таким трудом денежки в ненасытную пасть мсье Пикара. Розали только и оставалось надеяться, что в дальнейшем она тоже сможет наскрести столько, чтобы расплатиться за аренду. Как обидно, что она не владелица помещения! Надо хорошенько пораскинуть мозгами. Авось что-нибудь придумается.

Розали сварила себе кофе и вернулась за чертежный стол. Слушая музыку и работая над рисунками, она успокоилась. «Еще посмотрим, мсье Пикар, кто кого! – подумала она, делая размашистыми буквами надпись под готовым рисунком. – Так легко вы от меня не отделаетесь!» Тут внизу постучали, но она не услышала и с удовольствием оглядела свое творение.

«И весна порой исполняет обещания, которых не сдержала зима».

– Будем надеяться, что да! – произнесла она как бы про себя.

Внизу снова раздался громкий и настойчивый стук. На этот раз Розали его услышала. Она удивилась и отложила карандаш. Розали никого не ждала. Лавка была закрыта, почта уже приходила, а Рене весь день был занят со своими клиентками.

– Слышу! Сейчас открою! – крикнула она и, на ходу подбирая волосы заколкой, спустилась по узкой деревянной лестнице.

Уильям Моррис, спавший внизу в своей корзинке, приподнял было мордочку и снова опустил ее на белые лапки. За дверью стоял пожилой господин в синем дождевом плаще с шарфом в тон и нетерпеливо стучал по стеклу набалдашником палки.

Она повернула оставленный в замке ключ и отворила дверь.

– Эй, что это вы, мсье! Так и стекло выбить недолго, – сердито встретила Розали посетителя. – Вы что, читать не умеете? Сегодня у нас закрыто, – добавила она, кивнув на вывешенную на двери табличку.

Старик не счел нужным извиниться. Вопросительно приподняв седые кустистые брови, он окинул ее внимательным взглядом.

– Вы – Розали Лоран? – спросил он.

– Не сегодня, – бросила она раздраженно, убирая за ухо выбившуюся прядь.

Что это он вздумал? Учинять ей допрос?

– Простите? – переспросил он.

– Не важно, забудьте!

Господин в синем плаще смотрел на нее с недовольным выражением. Вероятно, плохо слышит.

– Вам лучше прийти завтра, мсье, – повторила она уже громче. – Здесь сегодня *закррито*.

– Да не кричите вы так, – обиделся посетитель. – Я пока что еще не оглох.

– Рада за вас, – не осталась она в долгу. – Итак, *au revoir*¹⁰, до завтра!

Она закрыла дверь и собралась уходить, но тут он снова принялся стучать в стекло. Она тяжело вздохнула и повернулась к нему.

– Да? – вопросительно произнесла она, снова открыв дверь.

Он опять бросил на нее испытующий взгляд.

– Так Розали Лоран – это все-таки вы или нет? – спросил он.

– Да, я, – ответила Розали.

Ей уже самой стало интересно, что ему нужно.

– О, это хорошо, – произнес он. – Значит, это та самая лавка. Можно мне войти?

Он шагнул через порог.

Розали растерянно отступила, пропуская его.

– Вообще-то, мы сегодня закрыты, – повторила она.

– Да-да. Это я уже слышал. Но видите ли, – продолжал он, делая следующий шаг и оглядываясь в лавке, – я специально приехал в Париж, чтобы посмотреть, действительно ли ваши рисунки подходят.

Он прошел вглубь лавки и нечаянно споткнулся о стоявший посередине деревянный столик, керамический стаканчик с карандашами резко пошатнулся.

– Какая же тут у вас теснота, – сказал он укоризненно.

Розали придержала стаканчик. А он уже протянул свою большую руку, чтобы взять открытку с цветами, которая лежала на столике.

– Это ваш рисунок? – спросил он строго.

– Нет, – помотала головой удивленная Розали.

Он прищурился:

– Слава богу! – И положил открытку на место. – Уж это бы никак не подошло.

– А-а?

Розали ни слова не поняла. Очевидно, у этого хорошо одетого господина не все в порядке с головой.

– Мои открытки выставлены на стойке там, у дверей. Вы, наверное, хотели заказать открытку с пожеланиями? – попыталась она достучаться до его сознания.

– *Открытку с пожеланием?* Это что еще такое? Разве у нас Рождество?

Розали обиженно промолчала. Скрестив руки на груди, она молча смотрела, как он подошел к стойке с открытками и стал вынимать их одну за другой, близко подносил каждую к глазам, нахмурясь, рассматривал и не спеша ставил на место.

– Очень даже неплохо, – рассеянно бормотал он себе под нос. – Гм... Да, это бы, пожалуй, и правда подошло...

Розали нетерпеливо кашлянула.

– Мсье, – окликнула она посетителя. – Мне некогда стоять тут весь день. Если хотите купить открытку, то выбирайте скорей. Или приходите в другой раз.

– Но, мадемуазель, я к вам вовсе не за открыткой. – Он удивленно вскинул голову, сдвинул за спину висевшую через плечо коричневую сумку и сделал шаг назад. – Я хотел вам сказать...

¹⁰ До свиданья (*фр.*).

Договорить фразу ему не удалось. Отступая назад, он сам не заметил, как угодил палкой в корзинку Уильяма Морриса. А точнее говоря, не заметил и Уильяма Морриса. Собачка, которая только что мирно спала, свернувшись пушистым калачиком, вдруг взвизгнула от боли и начала лаять как безумная, а это роковым образом повлекло за собой цепную реакцию.

Уильям Моррис залаял, пожилой господин испугался, пошатнулся, наткнулся на стойку с открытками, выронил палку, а дальше события завертелись с бешеной скоростью, так что Розали уже не успела подскочить, прежде чем все начало рушиться; со страшным грохотом вещи стали валиться по принципу домино, а в довершение беды пожилой господин в синем плаще во весь рост растянулся на каменном полу. При этом в поисках опоры он схватился рукой за стойку, с которой уже попадали все открытки, и в придачу повалил вторую, так что открытки взлетели с нее одним махом, а затем медленно и плавно осели на полу.

Наступила мгновенная тишина. Даже Уильям Моррис от страха перестал лаять.

– Ой, господи! – Розали прижала руку к губам.

В следующую секунду она уже опустилась на колени рядом с лежащим господином, на лбу у него красовалась упавшая голубая поздравительная открытка.

«Каждый поцелуй – это маленькое землетрясение», – было написано на открытке.

– Вы целы? – Розали осторожно сняла с его головы открытку и сейчас вглядывалась в искаженное болью лицо незнакомца.

Он со стоном открыл глаза.

– А-а-ах! Черт! Спина! – выговорил он и попытался встать. – Что случилось?

Он сердито посмотрел на погнутую проволочную стойку для открыток, оказавшуюся у него на груди, и на валявшиеся вокруг открытки.

Розали озабоченно взглянула на него и освободила из-под пустой стойки:

– Неужели вы ничего не помните?

Господи, только бы у старика не было сотрясения мозга!

– Моя собака залаяла, и вы опрокинули стойку с открытками.

– Да... Верно... – Незнакомец, казалось, задумался. – Собака! Откуда она вдруг взялась?

Подумать только! Эта псина меня, наверное, испугала.

– А вы испугали ее – вы же поставили свою палку прямо ей на лапу.

– Да что вы? – Он, кряхтя, поднялся в сидячее положение и потер затылок.

Розали кивнула:

– Давайте я вам помогу! Вы можете встать?

Она подхватила его под локоть, и он кое-как поднялся на ноги.

– Ох! Вот чертово невезение! – Он схватился за поясницу. – Подайте мне палку! Проклятая спина!

– Возьмите!

Он неуверенно сделал несколько шагов, и Розали отвела его к креслу, которое стояло в углу рядом с кассовым столиком.

– Присядьте и отдохните! Принести вам стакан воды?

Незнакомец осторожно сел, вытянул свои длинные ноги и, принимая из ее рук стакан с водой, попытался выдавить из себя улыбку.

– Надо же, какая незадача! – произнес он, качая головой. – Но Монсиньяк был действительно прав. Вы – то, что надо для «Синего тигра».

– А-а-а... Как вы сказали? – Розали широко раскрыла глаза и смотрела на него, закусив губу.

По-видимому, дело обстоит хуже, чем она думала. Бедняга, похоже, сильно пострадал. Только этого не хватало! Она почувствовала нарастающую панику. У нее не было на собаку страховки в случае гражданской ответственности. Что, если этому человеку нанесен вред?

Розали была чемпионкой по части предугадывания всяческих несчастий. Стоило чему-то случиться, как она мгновенно представляла себе все, что еще *может* произойти, не исключая самого худшего. Все это прокручивалось у нее в голове как кинофильм, только быстрее.

Мысленно она уже видела перед глазами явившуюся в лавку толпу возмущенных родственников, которые обличающе показывали пальцем на собачью корзинку с сидящим в ней Уильямом Моррисом, а тот виновато прятал глаза. Она так и слышала гнусавый голос мсье Пикара: «А что я вам говорил! Собакам не место в лавке». Но ведь Уильям Моррис был смиренный как овечка. Он же не делал ничего плохого. Он сидел, испуганно забившись под прилавок, и смотрел на нее оттуда круглыми глазами.

– Странно, но вы мне кого-то напоминаете, – сказал незнакомец в синем плаще. – А вы как – любите детские книги?

Он наклонился вперед и тихонько застонал.

Розали проглотила комок в горле. У бедняги все мысли в голове перепутались, это же сразу видно.

– Послушайте, мсье, вы уж посидите спокойно, хорошо? Не двигайтесь! По-моему, нам нужно вызвать врача.

– Нет-нет, как-нибудь обойдется! – отмахнулся незнакомец. – Не надо мне никакого врача. – Он ослабил на шее шарф и глубоко вздохнул.

Она внимательно посмотрела на него. Сейчас он производил впечатление совершенно нормального человека. Но впечатление могло быть обманчивым.

– Хотите... Хотите, я кому-нибудь позвоню, чтобы за вами приехали?

Он снова помотал головой:

– Не нужно. Вот приму сейчас эту дурацкую таблетку, и все пройдет.

Она на секунду задумалась. *Дурацкую таблетку?* Это как понимать? Может быть, он сидит на психотропных лекарствах? Может быть, все-таки лучше позвать кого-то на помощь?

– Вы живете где-нибудь поблизости?

– Нет, нет. Когда-то я жил в Париже. Но это было давно. Я приехал на поезде.

Розали сделалось не по себе. Этот человек с самого начала вел себя как-то странно. Она с сомнением посмотрела в его сторону. Ведь постоянно приходится слышать про недееспособных стариков, которые пропадают из дому, потому что ушли и заблудились.

– Скажите, мсье... А как вас зовут? Я хочу сказать, вы можете вспомнить свое имя? – осторожно спросила Розали.

Он удивленно вскинул голову. Затем громко расхохотался.

– Послушайте, мадемуазель, – с головой у меня все в порядке, не в порядке спина, – заявил он с широкой улыбкой, и Розали почувствовала, как краснеет. – Извините, что я забыл представиться. – Он протянул ей руку, и она нерешительно ее пожала. – Макс Марше.

Розали остолбенела от неожиданности и покраснела еще больше.

– Не может быть! – запинаясь, сказала она. – Вы – Макс Марше? То есть *тот самый* Макс Марше? Детский писатель? Тот, кто написал «Зайца – Сливовый Нос» и «Маленькую ледяную фею»?

– Он самый, – подтвердил Макс, улыбаясь. – Не хотели бы вы, мадемуазель Лоран, сделать иллюстрации к моей новой книжке?

Макс Марше был героем ее детства. Розали с восторгом прочла все его книги. Она любила историю «Маленькой ледяной феи», а приключения зайца Сливовый Нос запомнила чуть ли не наизусть. По книжкам, которые она летом брала с собой на дачу и читала на ночь в кровати, было заметно, что они не стояли без дела на полке: они были сильно захватаны, в них было много загнутых уголков, а кое-где страницы даже заляпаны шоколадными пятнами. Эти книги до сих пор стояли дома в шкафу в бывшей детской. Розали даже во сне не могло при-

сниться, что она когда-нибудь познакомится с самим Максом Марше. А уж что она однажды станет иллюстратором его книги – это... Это и вообще походило на чудо.

Несмотря на то что первое знакомство со знаменитым детским писателем произошло довольно сумбурно, если не сказать – ошеломительно, остальное в тот день складывалось удачно.

Макс Марше рассказал Розали о своем издателе Монсиньяке, который, как оказалось, первым обратил на нее внимание, когда его жена Габриэль после продолжительной прогулки по сен-жерменским магазинам вернулась с покупками, среди которых была не только хорошенькая сумочка, купленная в «Секвойе» на улице дю-Вьё-Коломбье, и туфельки от «Скарпы» на улице дю-Драгон, но и несколько поздравительных открыток, которые нарисовала Розали.

В отличие от Макса, мадам Монсиньяк, побывав в лавке, не учинила там никакого разгрома.

Оправившись от испуга и выяснив все недоразумения, Розали весело собрала с пола разлетевшиеся открытки и навела в лавке порядок.

Нежданный гость, хоть и рад был бы ей помочь, при всем желании не мог этого сделать. Макс Марше все это время просидел в кресле, не вставая. Дело кончилось тем, что Розали, отказавшись от мысли вызвать врача, на всякий случай позвонила Рене.

– Прострел, – определил Рене, оглядев Макса взглядом профессионала, и сразу же созвонился со своим приятелем, костоправом Венсаном Мора, который вел прием неподалеку от «Луны-Луны».

И вскоре пациент был уже у него и лежал на кожаном массажном столе. Под крепким нажатием уверенной руки Венсана Мора в крестцово-подвздошном суставе что-то несколько раз громко хрустнуло, и уже вскоре Марше покинул приемную костоправа, поняв, к своему изумлению, что совершенно избавился от боли.

Он чувствовал себя помолодевшим на десять лет и, помахивая тростью, бодрой походкой вернулся в лавочку на улице дю-Драгон, чтобы пригласить ее владелицу вместе с Рене в ресторан. После всего случившегося Макс хоть как-то решил их отблагодарить и, к собственному удивлению, понял, что делает это с искренним удовольствием.

Во-первых, что-то подсказывало ему, что из Розали Лоран получится хороший иллюстратор. А кроме того, у него впервые за долгое время не болела спина.

Так что, можно сказать, он убил сразу двух зайцев.

Розали в этот вечер от волнения никак не могла уснуть. Рядом блаженно похрапывал Рене, которого сразу сморило после изобильного ужина с двумя бутылками красного вина, от такого угощения, состоявшего из превосходного цыпленка в винном соусе и непривычного для него высококалорийного десерта в виде крем-брюле, он уснул как убитый. В кухне за закрытой дверью отсыпался, дергая во сне лапками, утомленный переживаниями Уильям Моррис, который после всего случившегося целый день, не вылезая, просидел под прилавком, недоверчиво поглядывая на стойку с открытками.

Розали улыбалась, устремив взор в потолок.

Прежде чем и ее сморил сон, она достала из-под кровати голубую записную книжечку и сделала очередную запись:

*Самое худшее в этот день:
Хотя лавка была закрыта, явился вдруг какой-то сердитый человек и опрокинул стойку с моими открытками.
Самое лучшее в этот день:*

Сердитый человек, оказывается, был МАКС МАРШЕ, и я, Розали Лоран, буду иллюстрировать его книгу!

5

И вот вскоре, в один весенний апрельский денек, в жизнь Розали вошла история про синего тигра, навсегда изменив ее течение. В конце концов, в жизни каждого человека бывает своя история, которая становится поворотным пунктом, хотя далеко не все люди это осознают.

Когда утром Розали вышла открывать лавку и, как всегда, посмотрела вверх, она увидела над головой фарфоровое небо такой нежной и прозрачной голубизны, какая бывает только после прошедшего над Парижем проливного дождя в апреле. Мостовая еще не просохла, на тротуаре две птички ссорились из-за кусочка хлеба, в лавке напротив поднимали жалюзи над витриной, и у Розали впервые появилось чувство, что сегодня наступил особенный день, когда начнется что-то новое.

После памятного посещения Макса Марше она каждый день ожидала обещанного письма. Ей все еще трудно было поверить, что это ей предстоит иллюстрировать его новую книжку. Она надеялась, что не разочарует знаменитого писателя и его издателя. Во всяком случае, она постарается вложить в рисунки все, на что только способна. Это был ее великий шанс. «Иллюстрации Розали Лоран». Она заранее чувствовала прилив необыкновенной гордости. То-то ее мать удивится! А уж тетушка Полетта тем более! Бедная тетя Полетта! Как жаль, что она не видит!

Пока еще никто не знал, что она получила этот заказ. Разумеется, кроме Рене. «Круто! – сказал Рене. – Ты станешь настоящей знаменитостью». Вот за это она и любила Рене. Он всегда радовался ее удачам и никогда не завидовал. Он был не из тех, кто все время сравнивает себя с другими, и в этом, наверное, заключалась тайна его ровного характера, хотя сам он об этом вряд ли задумывался.

Выйдя в вестибюль, она почувствовала, как у нее радостно подпрыгнуло сердце. Еще издали она заметила белый конверт, наполовину высунувшийся из почтового ящика, и сразу же поняла, что это рукопись, присланная ей из издательства.

Иногда выпадают такие дни, когда все складывается удачно, и даже в почтовом ящике может оказаться только что-то хорошее.

С сильно забившимся сердцем Розали прижала конверт к груди. Ей не терпелось поскорее прочитать эту историю, и она быстрым шагом вернулась в лавку. Но хорошая погода с утра выманила на улицу много народа, и не успела Розали вскрыть конверт, как в лавку уже зашла молодая женщина, чтобы купить авторучку для своего крестника. Она долго советовалась с Розали, какую ей выбрать, и в конце концов остановилась на темно-зеленой ручке «Ватерман» с мраморным рисунком.

Весь день в лавке не прерывался поток покупателей. То и дело кто-нибудь заходил, чтобы купить открытку или подарочную бумагу, закладку, музыкальную игрушку или шоколадку с цитатами знаменитых поэтов. Некоторые делали заказ на открытку с пожеланием. Колокольчик над дверью не умолкал, и Розали пришлось потерпеть до вечера, пока наконец не ушел последний покупатель – десятилетний рыжий мальчишка с веснушками, который пришел купить своей маме на день рождения пресс-папье и никак не мог решить, которое выбрать.

– Что мне взять? Сердечко из роз? Листок клевера? Или парусник? – переспрашивал мальчик, устремив жадный взгляд на трехмачтовый корабль. – Как по-вашему, маме понравится парусник? Такой корабль – это же очень здорово, правда?

Розали невольно улыбнулась, когда он в последний момент все-таки решил взять сердечко из роз.

– Хороший выбор, – сказала она. – Сердечки и розы – это то, чем ты всегда угодишь женщине.

Наконец в зале настала тишина. Розали заперла дверь, опустила решетку и сняла кассу. Затем она взялась за белый конверт, который так и пролежал весь день на столике из мягкого дерева, и поднялась в свою квартиру. На кухне она поставила чайник и взяла свою любимую чашку – изделие из серии «L’oiseau bleu»¹¹ мануфактуры Жьен, которую она откопала на блошином рынке.

Розали села на свою французскую кровать, накрытую бело-голубым покрывалом и украшенную нарядными подушечками, которая днем служила ей вместо дивана, включила торшер и отпила из чашки чая с лимоном. Рядом зазывно белел утренний конверт. Розали бережно вскрыла его и вынула манускрипт, к которому скрепкой была пришпилена визитная карточка, на ней от руки было написано несколько строк:

Дорогая мадемуазель Розали!

Было очень приятно с Вами познакомиться. Вот Вам «Синий тигр». С нетерпением жду Вашего отзыва – что Вам придумалось и какие у Вас будут по этому поводу предложения.

Искренне Ваш,

Макс Марше.

P. S. Передайте мой привет Уильяму Моррису. Надеюсь, он оправился от испуга.

Розали улыбнулась. Очень мило с его стороны вспомнить собачку. И это обращение – «мадемуазель Розали»! Такое старомодное – почтительное и в то же время личное, по ее ощущению.

Она поудобнее пристроила две подушки и прислонилась, положив рукопись себе на колени.

И вот она принялась читать.

Макс Марше

Синий тигр

Когда Элоизе исполнилось восемь лет, с ней произошел совершенно невероятный случай, нечто такое, во что трудно было поверить, а между тем все именно так и было.

Элоиза была веселой девочкой с белокурыми волосами и зелеными глазами, забавным веснушчатым носиком и немного великоватым ртом. Как у большинства девочек, у нее была богатая фантазия, и она умела выдумывать самые удивительные истории.

Она твердо верила в то, что ее мягкие игрушки по ночам между собой разговаривают, а в колокольчиках, которые растут в саду, живут эльфы, такие крошечные, что человеческому глазу их не разглядеть. Она была почти уверена, что на коврах можно летать, если только знать волшебное слово, а купаясь в ванне, надо вынимать затычку только после того, как из нее выйдешь, чтобы тебя нечаянно не утянул в сливное отверстие водяной.

Элоиза жила с родителями и собачкой Бабу на хорошенькой белой вилле на окраине Парижа, совсем рядом с Булонским лесом. Булонский лес – это

¹¹ «Синяя птица» (фр.).

такой огромный-преогромный парк, но он действительно больше похож на лес. Элоиза часто ходила сюда по воскресеньям с родителями на пикник или чтобы покататься на лодке, но самым любимым местом в Булонском лесу у нее был маленький парк Багатель – зачарованный уголок с прекрасным розовым садом. Как же там чудесно пахло! Попав туда, Элоиза старалась дышать как можно глубже.

В парке Багатель был свой маленький дворец со стенами розового цвета, такого нежного, какой только возможно себе вообразить. И папа Элоизы рассказывал, что дворец этот давным-давно построил один молодой граф для королевы всего за шестьдесят четыре дня.

Элоиза и сама мечтала быть принцессой, и ей очень это понравилось. «Когда я буду большая, то выйду замуж только за того, кто тоже построит мне дворец за шестьдесят четыре дня», – воскликнула она, а папа засмеялся и сказал, что тогда ей лучше всего выходить замуж за архитектора.

Среди знакомых Элоизы не было ни одного архитектора, зато был мальчик Морис, живший с мамой в конце той же улицы. У них был маленький домик, со всех сторон окруженный яблонями.

Как-то раз Морис стоял у забора, когда мимо вприпрыжку пробежала Элоиза.

– Хочешь яблоко? – спросил он ее и с застенчивой улыбкой протянул через забор большое румяное яблоко.

Элоиза взяла яблоко и откусила немножко, а потом протянула его вихрастому, светловолосому мальчику, чтобы он тоже откусил.

С этого дня они подружились, но это еще не все – мальчик под честное слово обещал Элоизе, что, когда вырастет, построит ей маленький дворец, такой же, как дворец Багатель в парке Багатель: подумаешь, мол, велика трудность! Он даже тайком припас немного кирпичей, утащив их со стройки, и спрятал в углу сада, потому что, как вы уже догадались, Морис не на шутку влюбился в веселую золотоволосую девочку – хохотушку, умевшую рассказывать удивительные истории. Если бы Элоиза пожелала луну с неба, чтобы поставить ее у себя в спальне вместо светильника, Морис бы непременно пошел в астронавты, чтобы исполнить ее желание.

И вот в тот день, когда Элоизе исполнялось восемь лет, у них в школе как раз была классная экскурсия в Булонский лес. И ей, как имениннице, предложили решать, какое место Булонского леса выбрать для экскурсии. Конечно же, она выбрала парк Багатель! Солнышко пригревало, и мадам Беланже сказала детям, чтобы они взяли с собой альбомы для рисования и краски, потому что сегодня все будут рисовать на природе. Мадам Беланже расположилась с учебником биологии под раскидистым деревом, а дети, подстелив одеяла, расселись на траве и старательно рисовали птиц, розовые кусты, маленький розовый дворец или какого-нибудь роскошного павлина из тех, которые, кивая головками, расхаживали по лужайке с таким гордым видом, словно они хозяева этого парка.

Элоиза сначала никак не могла выбрать, что бы нарисовать. Другие дети уже давно с усердием водили кисточкой по бумаге, а она все лежала на одеяле, глядя в голубое небо, по которому неторопливо проплывало толстое облако. Элоизе показалось, что оно похоже на доброго тигра, который разгуливает в

вышине. Она привстала, достала из сумки с рисовальными принадлежностями краски и окунула в стаканчик кисточку.

Через два часа мадам Беланже захлопала в ладоши, и все дети стали показывать свои картинки. Когда дошла очередь до Элоизы, девочка с гордостью показала нарисованного синей краской тигра с серебряными полосками и небесно-голубыми глазами. Элоиза очень старалась и сейчас думала, что эта картинка получилась у нее как никогда хорошо.

Некоторые дети стали толкать друг дружку в бок и смеяться.

– Ха-ха-ха! Ай да Элоиза! Смотрите-ка, что она нарисовала! – закричали дети. – Тигры же не бывают синими!

Элоиза покраснела как помидор:

– А мой тигр бывает!

– Но тигры всегда желтые в черную полоску, это знают даже малые дети! – сказала Матильда. А она была первой ученицей в классе, так что наверняка знала про тигров.

– А мой тигр – облачный, и они всегда бывают синими с серебряными полосками, так уж они устроены, – отвечала Элоиза, и губы у нее уже начали дрожать. Ну как же она могла забыть, что тигры желтые?!

Мадам Беланже улыбнулась и удивленно подняла брови.

– Ну знаете ли! – сказала она. – Медведи бывают белые и бурые, бывают пестрые дятлы и чернобурые лисы, бывают снежные барсы. Но про синих облачных тигров я что-то еще никогда не слыхала.

– Но ведь где-то же, – смущенно возразила Элоиза, – наверное, есть синие тигры...

Другие дети так и повалились от хохота на траву.

– Ага! И розовые слоны, и зеленые зебры! Сходила бы ты в зоопарк, Элоиза! – кричали дети.

– Всё, дети, довольно! – остановила их учительница, подняв руку. – Хотя синих тигров и не бывает, картинка у тебя, Элоиза, получилась, по-моему, очень красивая!

После экскурсии дома праздновали день рождения Элоизы. На столе красовались большой шоколадный торт, малиновое мороженое и лимонад. В саду дети играли в разные игры: в прятки и в мячик, бегали в мешках наперегонки, и только после ужина, когда родители пожелали Элоизе спокойной ночи, она, уйдя к себе в комнату, заметила, что забыла в парке сумку с рисовальными принадлежностями и картинку с синим тигром. Надо же, какая неприятность! И мама, наверное, будет браниться, потому что коробка с акварельными красками двадцати четырех цветов была совсем новенькая.

Подумав немного, Элоиза вылезла в окно и крадучись вышла из сада, пока родители в гостиной смотрели телевизор.

Солнце уже садилось, когда она, запыхавшись, добежала до парка Багатель. Элоиза решительно толкнула калитку, которая, к счастью, оказалась незапертой и, скрипнув, отворилась. Бегом миновав розовый дворец, розовый сад и маленькие водопадики, которые журчали, падая со скалистых уступов, она скоро оказалась на лужайке, где утром рисовали дети. Она поискала на земле и вдруг смотрит – нашла! Под старым деревом, где утром сидела

учительница, лежала ее красная сумка с рисовальными принадлежностями, а ее альбом кто-то поставил, прислонив к дереву.

А картинки с синим тигром нигде не было видно.

Неужели кто-то ее забрал?

Или унес ветер?

Элоиза прищурилась, чтобы лучше видеть, и прошла несколько шагов в сторону белой беседки, которая возвышалась на пригорке, легкая, словно большой птичий вольер.

Внезапно до нее донесся какой-то вздох, ей показалось, что он послышался из каменного грота у подножия беседки. Его еще называли грот Четырех Ветров. Никто не знал, почему он так называется, но Элоиза туда как-то залезла во время игры в прятки и была совершенно уверена, что это место волшебное.

Если встать посередине каменной пещерки с видом на водопад, который изливался в находившийся сзади пруд с водяными лилиями, и загадать шепотом какое-нибудь желание, ветры его подхватят и разнесут на все четыре стороны света, и тогда оно непременно когда-нибудь исполнится. Элоиза была в этом совершенно уверена.

Вздох повторился, и на этот раз он показался ей похожим на тихое рычание. Она осторожно подкралась к самому входу в грот, озаренному золотыми лучами заходящего солнца.

– Ау! – позвала она. – Есть там кто-нибудь?

Рядом зашуршало. Кто-то, мягко ступая, прошел сквозь кусты.

Синий тигр с серебряными полосками! Он был в точности похож на тигра с ее картинки.

Элоиза так и вытаращила глаза.

– Ой, боже мой! – пробормотала она, потому что сама немного удивилась.

– Ты что на меня так уставилась? – заворчал синий тигр.

С перепугу Элоиза не сразу даже обратила внимание, что тигр, оказывается, еще и говорит человеческим голосом.

– Неужели ты синий тигр? – решила она наконец спросить.

– А ты что, не видишь? – ответил тигр. – Я – облачный тигр, – сказал он, сверкнув на нее ярко-голубыми глазами.

– Ой! Как же я сама сразу не сообразила! – воскликнула Элоиза и с сомнением посмотрела на тигра. – А облачные тигры – опасные? – спросила она наконец.

– Нисколечко, – ответил синий тигр и расплылся в веселой улыбке. – Тем более для детей.

Элоиза с облегчением кивнула.

– А можно тебя погладить? – спросила она. – У меня сегодня день рождения, чтобы ты знал.

– Если так, то даже можешь покататься на мне верхом, – сказал синий тигр. – Но сначала помоги мне, пожалуйста, потому что я, пробираясь сквозь розовые кусты, занозил себе лапу шипом.

Он подошел поближе, и Элоиза увидела, что он прихрамывает на правую лапу.

– Ах, бедняжка! – посочувствовала Элоиза, которая по себе знала, каково это – занозить себе ногу. – Со мной тоже такое случилось, и это больно. Ну-ка, тигр, дай сюда свою лапу!

При последних лучах солнца тигр протянул ей свою лапу, и Элоиза, у которой глаза были очень зоркие, разглядела шип и одним движением выдернула его.

Синий тигр взревел от боли, и Элоиза испуганно отшатнулась.

– Прости меня! – сказал тигр и стал зализывать ранку.

– Надо бы завязать лапу, – сказала Элоиза. – Давай-ка вот этим!

Она достала белую тряпочку, идеально чистую, за исключением нескольких пятнышек краски, и перевязала раненую лапу тигра.

– Уж извини, что тут есть пятнышки, – сказала она. – Это все-таки лучше, чем ничего.

– Пятнышки мне как раз больше всего нравятся, – сказал синий тигр. – Там, где я живу, цветные мазки считаются самым хорошим из всего, что только бывает. – Тут он с удовольствием поглядел на измазанную в красках тряпочку, которой была обмотана его лапа. – А еще, конечно, небесно-голубые, обточенные водой гладкие камешки – те, что встречаются только в голубом озере за голубыми горами. Они к тому же очень ценные, потому что такие камешки не каждый год падают с неба. Небесные камешки приносят счастье, говорят у нас. А у тебя такой есть?

Элоиза удивленно помотала головой. Небесно-голубых гладких камешков она еще никогда не видела. Тем более таких, которые упали с неба.

– А где ты живешь?

– В голубой стране.

– А она далеко?

– О да! Очень далеко. Так далеко, что туда надо лететь.

– На самолете? – Элоиза еще ни разу никуда не летала.

Тигр поворачивал глазами:

– Ну что ты! Какие там самолеты! Самолеты слишком шумят и слишком медленно летают. К тому же у нас там нет аэродромов. Нет-нет, в голубую страну можно долететь только мечтой.

– А-а! – удивленно протянула Элоиза.

Солнце тем временем зашло, и в темнеющей синеве небес уже показалась полная круглая луна.

– Как ты – хочешь полетать? – спросил синий тигр. Повернув вбок голову, он кивнул на свою серебристо-синюю полосатую спину. – Залезай, Элоиза!

Элоиза несколько не удивилась, что синий тигр знает ее имя. Не удивило ее и то, что он умеет летать. Он же был облачный тигр! Она взобралась ему на спину, обняла руками за шею и крепко прижалась личиком к мягкой шерстке, которая в лунном свете засверкала серебром. И вот они полетели.

Очень скоро грот Четырех Ветров, белая беседка, маленький розовый дворец, журчащий водопад и душистые розовые клумбы остались далеко позади. Они пролетели над темной чащей Булонского леса и увидели вдалеке город, светившийся тысячами огней, Триумфальную арку, величественно возвышающуюся над площадью Звезды, и стройную, устремленную вверх Эйфелеву башню, которая, как страж, высилась над Парижем.

Элоиза еще никогда не видела Париж сверху. Она и не знала, как красив этот город.

– Как великолепно! – воскликнула она. – Правда же, тигр, сверху все становится другим?

– Иногда полезно окинуть картину общим взглядом, – сказал тигр. – Для этого лучше всего посмотреть на нее сверху. Или со стороны. Только увидев все целиком, начинаешь понимать, как хорошо согласуются между собой отдельные части.

Элоиза покрепче прижалась к пушистой спине тигра, когда они, очертив широкую дугу, полетели назад к Булонскому лесу. Воздух вокруг был по-летнему теплым, и ветер развеивал золотистые волосы Элоизы. Внизу извилистой черной лентой пересекала город Сена, по ней плавали прогулочные парходики, украшенные разноцветными лампочками, и если бы кто-то с палубы догадался взглянуть вверх, он увидел бы проплывающее по небу продолговатое облако цвета индиго с трепещущей золотистой каемкой и, наверное, удивился бы, что облако напоминает летящего тигра. Но может быть, человек внизу принял бы его за светящийся след промелькнувшего метеора и тогда, глядя на него, мысленно загадал бы желание.

– Как я рада, что ты взаправду существуешь! – крикнула Элоиза тигру, когда они, снижаясь, летели над парком Багатель и снизу повеяло душистым запахом роз. – А то в школе все надо мной смеялись.

– И я рад, что ты, Элоиза, существуешь на свете, – ответил синий тигр. – Потому что ты – совершенно особенная, ни на кого не похожая девочка!

– Никто не поверит мне, что это было, – сказала Элоиза, когда синий тигр мягко опустился на землю всеми четырьмя лапами в саду ее дома.

– Ну и что? – сказал тигр. – Разве это все равно не прекрасно?

– Неповторимо прекрасно, – сказала Элоиза, чуть печально покачав головой. – Но люди мне не поверят. Никто не поверит, что я встретила синего тигра.

– Ну и пускай! – сказал синий тигр. – Главное, что ты сама веришь, что это было. Кстати, это вообще всегда самое главное.

Упругим прыжком он скакнул к дому и остановился под открытым окном, из которого вылезла Элоиза, чтобы сходить за забытыми рисовальными принадлежностями и картинкой с тигром.

Ей казалось, что с тех пор миновала целая вечность, однако, судя по всему, прошло совсем немного времени, потому что, заглянув в окно гостиной, она увидела, что родители все так же сидят перед телевизором. Никто не заметил, что Элоиза уходила из дома. Кроме разве что Бабу, который, встав передними лапами на подоконник, вилял ей из комнаты хвостом и взволнованно лаял.

– Встань мне на спину, тогда тебе легче будет забраться в комнату, – сказал синий тигр.

Элоиза помедлила:

– Я еще увижусь с тобой?

– Наверное, нет, – сказал тигр. – С облачным тигром можно встретиться только раз в жизни.

– О! – охнула Элоиза.

– Не грусти из-за этого, – сказал тигр. – Если захочешь увидеть меня, ляг на траву и жди, когда по небу проплывет облачный тигр, – это буду я. А теперь ступай!

Элоиза в последний раз обняла тигра.

– Смотри не забывай меня! – сказала она.

– Как я могу тебя забыть, у меня же осталась твоя цветная тряпочка!

Элоиза еще немного постояла у окна, глядя вслед тигру, который в несколько прыжков оказался у ограды. Перескочив через зеленую изгородь, он взлетел над деревьями, которые негромко шелохнули листвой, и, на мгновение заслонив собою месяц, полетел по небу и скрылся из виду.

– И я тоже тебя не забуду, тигр! – тихонько произнесла Элоиза. – Никогда!

Утром, когда Элоиза проснулась, комнату заливал солнечный свет, окно было настежь открыто, а на полу валялись ее вещи и сумка с рисовальными принадлежностями.

– С добрым утром, Элоиза, – сказала мама, которая чуть не упала, споткнувшись об эту сумку. – Что же ты опять все раскидала по полу! Разве так можно!

– Извини, мама, – сказала Элоиза. – Но сегодня все такое особенное. – Она взволнованно поднялась с подушки. – Вчера вечером я ходила в парк, потому что забыла там сумку. Сумка нашлась, а моя картинка исчезла. А потом я встретила в гроте Четырех Ветров синего тигра, совсем как на моей картинке – синего с серебряными полосами, и он даже умел говорить. Это был облачный тигр, и он поранился о розовые кусты, и я перевязала ему лапу, и тогда он сказал, чтобы я садилась ему на спину, и мы летали над Парижем, и... – Тут Элоизе не хватило воздуха и пришлось остановиться, чтобы передохнуть.

– Подумать только! – улыбнулась мама и погладила дочку по голове. – Ну и сон тебе приснился – целое приключение! Наверное, это оттого, что ты переела шоколадного торта.

– Да нет же, мамочка! Это был не сон! – сказала Элоиза, соскакивая с кровати. – Синий тигр приходил в наш сад, вот здесь, под моим окном он стоял, перед тем как улететь.

Она подбежала к окну и высунулась наружу. В саду было тихо и спокойно, и все как всегда.

– Это был облачный тигр, – упрямо повторила девочка.

– Облачный тигр, значит? Ну-ну... – повторила мама с улыбкой. – Остается только порадоваться, что он тебя не съел. А теперь давай-ка одевайся, папа уже собрался и подвезет тебя в школу.

Элоиза открыла было рот, чтобы сказать, что облачные тигры для детей не опасны, но тут мама вышла из комнаты.

– Знаешь, Бернар, у девочки и впрямь совершенно неукротимая фантазия! – донесся до Элоизы голос мамы, которая уже спускалась по лестнице.

Элоиза нахмурила лоб, стараясь понять, неужели все это ей только приснилось? Погруженная в размышления, она натянула платье, и тут ее взгляд упал на сумку с рисовальными принадлежностями, которая все еще валялась на полу у кровати. Она подняла ее и заглянула внутрь.

Там лежали коробка с акварельными красками, несколько кисточек, альбом для рисования с чистыми страницами. Начатая пачка печенья. Не было белой тряпочки с разноцветными пятнами. И тут Элоиза заметила, что на дне сумки что-то блестит.

Это был плоский, круглый небесно-голубой гладкий камешек.

– Элоиза, ты идешь? – крикнула снизу мама.

– Иду, мамочка!

Крепко зажав в руке гладкий голубой камешек, Элоиза улыбнулась. Да что эти взрослые понимают!

После занятий она пойдет к своему другу Морису и расскажет ему историю про синего тигра. Элоиза твердо знала, что уж он-то ей поверит.

Дочитав до конца, Розали еще долго сидела, стараясь хорошенько прочувствовать впечатление от прочитанной сказки. Во время чтения образы вставали перед ее внутренним взором как живые, и сейчас она с удивлением обводила глазами свою комнату. Маленькая Элоиза с золотистыми волосами. Протянутое через ограду яблоко, парк со старыми деревьями и маленький дворец в парке Багатель самого нежного розового цвета, какой только можно себе представить. Облачный тигр в гроте Четырех Ветров. Голубая страна, в которую можно перенестись только на крыльях мечты. Ночной полет над Парижем. Развевающиеся на ветру волосы девочки. Обещание не забывать. Голубой гладкий камешек. Тряпочка с цветными пятнышками.

В голове у нее складывались картинки, переливались оттенки красок – золотая и синяя, серебряная и розовая. Ей так и хотелось прямо сейчас взяться за кисточки и карандаши и рисовать.

Небо за окном незаметно потемнело до ночной синевы. Розали еще долго сидела, устремив взгляд в темноту. Она ощущала глубинную правду в основе этой истории и, невзирая на все смешные моменты, которые в ней встречались, чувствовала тихую грусть, даже тоску, которая глубоко трогала ее душу. Она невольно вспомнила отца и все, чему он ее научил.

– Да, – сказала она. – Мазки краски – это самое главное. Мечта, которую нельзя утрачивать. И вера в свою мечту.

6

Париж встретил его проливным дождем.

Почти как тогда, когда он приезжал сюда в первый раз. Ему в то время только что исполнилось двенадцать – долговязый белокурый подросток с волосами едва не до плеч, длинные ноги – как же иначе – обтянуты джинсами. Поездка в Париж была подарком от мамы ко дню рождения.

– Как ты смотришь, Роберт, на то, чтобы нам с тобой на недельку съездить в Париж? Замечательно, правда? Вот увидишь, тебе понравится.

Это случилось через полгода после того, как умер его отец – адвокат Поль Шерман, возглавлявший знаменитую нью-йоркскую контору «Шерман и сыновья», и Роберту тогда ничего не казалось *замечательным*. Однако, подлетая к Парижу, Роберт почувствовал, что его охватило непривычное волнение. Его семья жила тогда в сонном городке Маунт-Киско, расположенном в часе езды к северу от Нью-Йорка. Но его мама, сама дочка француженки, иногда рассказывала ему о Париже, где однажды в молодости благодаря родителям провела целое лето. Поэтому она очень хорошо говорила по-французски и позаботилась о том, чтобы сын тоже выучил этот язык.

По дороге в такси через ночной Париж Роберт невольно заразился маминой радостью. Под шум барабанившего по крыше дождя он чуть не свернул себе шею, стараясь разглядеть через мутное от дождя стекло светящуюся огнями Эйфелеву башню, Лувр, шарообразные светильники на каком-то роскошном мосту, название которого тотчас же выскочило у него из головы, и широкие бульвары с рядами темных деревьев. На голых корявых ветках, устремленных к небу, были развешаны маленькие лампочки.

Огни города отражались от темной мостовой, и контуры высоких домов с выступающими вперед чугунными балконами, бесчисленные кафе и рестораны с ярко освещенными окнами тонули в лучах света. На какое-то мгновение у Роберта возникло ощущение, что он плавно едет по городу, сделанному из чистого золота.

Чем дальше, тем уже становились улочки, мостовая – ухабистее. Наконец такси остановилось перед маленькой гостиницей, и, выходя из машины, он по самую щиколотку угодил ногой в большую лужу, насквозь промочив кроссовки.

Странно, что иногда тебе запоминаются какие-то совершенно незначительные детали и сохраняются где-то в глубинах памяти, а через годы или десятилетия они вдруг всплывают как живые.

Должно быть, это было начало ноября. На улицах Парижа и в парках гулял ледяной ветер, и Роберту запомнилось тогда, что все время шел дождь. Им не раз случилось промокнуть насквозь, и, спасаясь от дождя, они часто заходили в какое-нибудь маленькое кафе с веселенькими маркизами, чтобы согреться чашкой кофе с молоком.

Тогда он впервые попробовал настоящий кофе и почувствовал себя не мальчиком, а почти взрослым мужчиной.

Запомнилась ему и темнокожая женщина с широченной улыбкой во весь рот, в ярком головном платке с попугаями, которая по утрам приносила им завтрак в постель, потому что во французском отеле завтрак в постели считался чем-то совершенно нормальным. Запомнилось и блюдо с сырным ассорти – «assiette de fromage», которое он заказал в «Кафе де Флор» («Кафе поэтов», – объяснила ему мама). На этом блюде были выложены кружком отдельные ломтики сыра неизвестных ему сортов, начиная с мягких и кончая самыми острыми. Вечером они пошли в «Джаз-бар», где царил сумеречное освещение. И там он впервые в жизни попробовал крем-брюле, сверху покрытое сахарной корочкой, которая ломалась на языке с тихим хрустом. В Лувре он запомнил Мону Лизу, перед ней толпились люди прямо в пальто, от которых

пахло дождем; запомнилось ему и катание по Сене на речном трамвайчике, который привез их к собору Нотр-Дам, тоже под проливным дождем, а также зажигалка «Зиппо» с надписью «Париж», которую он купил себе на Эйфелевой башне, куда они поднялись по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.